

Рассказы и сказки для дошкольников

Пересказ с немецкого Н. и А. Артёмовых

Художник В. А. Никитин

Издательство "Московская правда"

Содержание

Художник В. А. Никитин

Редактор Г. Н. Веселовская
Технический редактор И. Н. Гусева
Корректоры: Э. И. Берман, Л. Р. Кардашевская

Сдано в набор 25.10.91. Подписано в печать 04.12.91. Формат 60×90 1/8. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем 8 п. л. уч.-изд. л. 5,65 Тираж 700000 экз.
Заказ 4046. Цена 2 руб. 70 коп.

Ордена "Знак Почета" типография издательства "Московская правда".
123845, ГСП, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7.

Петер Абрахам

Ветер в лимонадных бутылках

Часть летних каникул мы с Карлиной, моей сестренкой, всегда проводим на берегу моря, в рыбачьем поселке Габун, у нашего доброго дяди Амброзиуса Танкгабеля. Наш дядя — смотритель маяка.

От железнодорожной станции до маяка мы идем пешком. Еще издали мы с Карлиной любуемся красной башней маяка.

И мы знаем, что дядя Амброзиус сидит наверху и протирает огромную лампу или читает свою любимую газету "Вестник смотрителя маяка".

Ни одному человеку на свете не известно, откуда дядя Амброзиус так много знает о ветре. Дядя с ветром на "ты". Когда ветер дует очень сильно и поднимает на берегу черные столбы пыли, когда никто из рыбаков не решается выйти в море, дядя Амброзиус становится перед башней и грозит пальцем.

— Эй, Расмус! — говорит он. — Перестань безобразничать, старый проказник.

Расмус — это значит ветер, так зовет его наш дядя.

— Так он тебя и услышит, — говорит дерзкая Карлина.

— Почему же не услышит, — сердито ворчит дядя Амброзиус. — Услышит.

И тут ветер обрушивает на вышку морскую волну с такой силой, что ее брызги долетают до нас.

— Ветер сильнее человека, — говорю я.

— Может быть, и так. Но зато он глупее, — говорит дядя и плюет в воду.

Ой, зачем он это сделал! Теперь ветер стал выть еще сильнее.

— А ты когда-нибудь видел этого Расмуса? — спрашивает Карлина. Она, видимо, решила немножко подразнить дядю.

— Видел, и не раз. Посмотри и ты, — говорит дядя Амброзиус и показывает рукой на большую волну.

Карлина испуганно схватила меня за руку. Оказалось, что у волны и вправду есть лицо.

И тут начались чудеса!

— Эй, Амброзиус! — кричит волна и разбивается о башню маяка.

Дядя смеется.

— Расмус, старый проказник! — кричит он. — Если ты такой сильный, попробуй сдуй нас!

Ветер свирепо воет. Но мы стоим и не улетаем. Мы даже смеемся над ветром. Но Расмус не сдается. Он поднимается из волн и упрямо твердит:

— Я быстрее вас! Я быстрее вас!

— Это правда, — соглашаюсь я, хотя чувствую, что признать это мне очень и очень неприятно.

Но дядя Амброзиус приложил ко рту палец: "Тсс!" — и кричит ветру:

— Расмус, старый проказник! Я готов поспорить, что мы быстрей тебя! Если

ты победишь, я три дня не буду есть жареной картошки.

— Зачем ты так сказал, дядя? — говорит Карлина. Она очень любит жареную картошку.

— Если ты окажешься быстрее, — смеется ветер, — я на три дня залезу в мышиную нору! Ну, поспорили?

— Поспорили! — кричит дядя Амброзиус. — Победит тот, кто первый отрясет сливы с дерева возле дома нашей пожарной команды.

— Согласен! — отвечает ветер.

Теперь он появляется в виде облака и трясется от смеха.

— Считай до трех, — говорит мне дядя Амброзиус, — начали!

— Раз, два, два с половиной... — считаю я. — Три!

Ветер уносится с криком:

— Лечу... тороплюсь... бегу быстрее зайца!

Дядя Амброзиус ворчит:

— Если бы Расмус умел сочинять стихи! Если бы он умел рифмовать! Но он такой бестолковый... Он должен бы знать, что со словом "тороплюсь" рифмуется "не боюсь", со словом "бегу" — "поймать могу". Я его, старого проказника, не боюсь! Я его поймать могу!

— Дядя Амброзиус! — кричим мы с Карлиной. — Что же мы стоим? Бежим скорее! А то спор проиграем!

Дядя Амброзиус постучал пальцем по лбу и говорит:

— Ногами этот спор не выиграешь. Тут голова нужна. Подумать надо.

Он берет нас за руку и ведет в башню маяка.

— Вот он, наш помощник! — Дядя показывает на телефон и набирает номер. — Пожарная команда? — спрашивает дядя.

— Да, пожарная команда, — отвечает начальник пожарной команды в поселке.

— Говорит Амброзиус.

— Что у тебя горит, Амброзиус?

— Ничего не горит.

— В таком случае мне некогда с тобой разговаривать, — сердится пожарник.

— Слушай, — говорит дядя Амброзиус, — отрясите побыстрее сливы с дерева.

— Нет у нас времени на такие пустяки! Шторм надвигается!

— Вот и я об этом, — нетерпеливо говорит дядя Амброзиус. — Если вы отрясете сливы, шторма не будет.

— Что с тобой? — спрашивает главный пожарник. — Это просто чепуха!

— Я три дня не буду есть жареной картошки, если это чепуха, — жалобным голосом говорит дядя.

— Ой! — кричит Карлина. — Ты и Расмусу обещал не есть картошки три дня! Целых шесть дней без жареной картошки!

Дядя продолжает разговаривать по телефону.

— Хорошо, — милостиво соглашается главный пожарник. — Отрясем сливы, если это для тебя так важно.

Дядя Амброзиус кладет трубку, и мы все втроем прыгаем от радости. И правда, через некоторое время ветер стихает. Последняя волна мягко подкатилась к основанию маяка и медленно поползла обратно.

— Вот так-то, ребята, — говорит дядя Амброзиус. — Давайте-ка нажарим картошечки.

Три дня ветер не дует, и мы на обед и на ужин едим вкусную жареную картошку. По телевизору говорят, что ветер стих по непонятной причине. Мы посмеиваемся в кулак: кому-кому, а нам-то понятно, почему стих ветер.

Рядом с маяком есть холм, а в нем — нора. Мышиная. Дядя Амброзиус, Карлина и я ходим туда каждый день, прикладываем ухо к земле и слушаем, как в норе воет Расмус, старый проказник.

На четвертый день он появляется снова, а на пятый уже бушует буря. Дядя Амброзиус устал. Целую ночь он просидел на башне. А теперь он лежит в постели, и у него, кажется, начинается насморк. Дует холодный, очень холодный ветер. Курортники на пляже зябнут. Они надели свитера. А волны выбрасывают на берег и пену, и кору, и палки, и обломки досок.

— Знаешь что, — говорит Карлина, — давай-ка сходим в порт. Посмотрим, что там делается.

В порту собрались все спортивные суда и весь рыболовный флот Габу-

на. Рыбаки сидят на камнях, курят и читают газеты. Некоторые возятся с сетями.

— Если шторм не утихнет, мы не сможем выйти в море, — говорит один.

— А что я буду продавать? — сокрушается продавец из рыбного магазина. — И надо же такому случиться... Как раз сегодня, в пятницу, когда все обычно едят рыбу.

— Карлина, тебе надоел этот шторм? — спрашиваю я.

— Очень, — отвечает Карлина. — Пойдем посмотрим... Может, дядя Амброзиус уже встал...

Мы подходим к домику дяди Амброзиуса, и тут Карлина хватает меня за руку.

— Смотри-ка! Фейерверк!

Над морем взлетает в небо яркий красный шар.

— Никакой это не фейерверк! — говорю я. — Это сигнальная ракета.

— Давай разбудим дядю Амброзиуса, — говорит Карлина и бежит в дом.

— Красная ракета? — спрашивает встревоженный дядя Амброзиус. В пижаме и шлепанцах он бежит к маяку.

Только мы поднялись на башню, в небо взлетает еще одна красная ракета. Дядя Амброзиус смотрит в бинокль и говорит:

— Пускают красные ракеты. Помощи просят!..

Он бежит к телефону, чтобы позвонить спасателям. Мы с Карлиной по очереди смотрим в бинокль. Вот среди волн показалась яхта с поваленной мачтой. Вскоре появляется спасательный катер — он спешит на помощь яхте. Катер берет яхту на буксир и тянет ее в порт.

— Смотри, смотри! — кричит Карлина. — Там, на яхте, маленький мальчик!

— Пока ничего страшного не случилось, — говорит дядя Амброзиус. — Но кто знает, что могло бы случиться, если б вы не заметили красную ракету. Молодцы!

Шторм бушует уже третий день.

— Дядя, — прошу я, — сделай, пожалуйста, чтобы шторм утих.

— Правда, дядя, — поддерживает меня Карлина. — Только ты один и можешь утихомирить Расмуса.

— Вы так думаете? — улыбается дядя Амброзиус. — Ну в таком случае пойдемте.

Мы куда-то идем вслед за дядей. Всю дорогу он молча чему-то улыбается. Наконец дядя Амброзиус останавливается возле лимонадного киоска на берегу.

— Кристина, дай нам три ящика лимонада, — говорит он продавщице.

— Целых три ящика? — спрашивает удивленная Кристина.

— Да, целых три ящика, — весело отвечает дядя и протягивает ей деньги. — А теперь, ребята, давайте-ка выпьем лимонад.

— Все три ящика? — удивляюсь я.

— Все три, — кивает дядя.

— Ура! — радостно кричит Карлина. Но, выпив две с половиной бутылки, она хватается за живот и морщится от боли.

— Такое море лимонада нам не одолеть! — говорю я в отчаянии.

— Должны одолеть! — возражает обессилевший дядя Амброзиус. — Иначе не одолеем шторм!

— Давайте позовем кого-нибудь на помощь, — предлагает Карлина.

— Хорошая мысль, — хвалит ее дядя Амброзиус.

Мы с Карлиной бежим вдоль берега и зовем ребят пить лимонад. Ребята, конечно, рады. Еще бы! Мигом они опорожняют все бутылки из трех ящиков. Дядя Амброзиус берет два ящика с пустыми бутылками на плечо. Третий ящик несем мы с Карлиной.

Бутылки хоть и пустые, но все-таки очень тяжелые. Возвращаясь на маяк, мы едва держимся на ногах.

— Будем считать, что одно дело сделано, — говорит дядя Амброзиус. — А теперь...

— Что теперь? — в один голос спрашиваем мы с Карлиной.

— А теперь самое главное, — заявляет дядя Амброзиус. — Расмус — старый проказник. Он с воем проберется через подворотню, пролетит сквозь туннель, протиснется через трубу, проникнет куда угодно. Если оставить открытой дверь или не закрыть окно, Расмус наделает бед. Он может ворваться в дом, перевернуть все вверх дном и вылететь с другой стороны.

— Один раз, — кричит Карлина, — он сдул у нас на пол скатерть вместе с вазой.

— Мы его поймаем! — радуюсь я. (Я уже догадался, что собирается сделать дядя Амброзиус.) — Мы устроим ловушку!

— Совершенно верно, — улыбается дядя Амброзиус и потирает руки. — Сделаем, значит, так. В башне откроем наверху люк, а внизу дверь. А когда Расмус проберется в башню, сразу закроем люк и дверь. И старый проказник у нас в руках!

— Я побегу наверх, — кричу я, — и закрою люк!

— А я тут же закрою дверь, — подхватывает Карлина.

— Не надо спешить, — говорит дядя Амброзиус. — Знаете ли вы, когда нужно закрыть люк и дверь?

— Нет, не знаем.

— А раз так, то все будем делать по сигналу рожка. — Дядя снимает со стены медный рожок и дует в него изо всех сил. — Когда услышите этот сигнал, сразу же закрывайте и люк, и дверь. Поняли?

Ну, конечно, мы поняли. Я стремглав взлетаю по лестнице на самую верхнюю площадку и открываю люк. Ветер, чуть не выхватив у меня из рук крышку люка, с воем врывается в башню. Он обрушивается на книжную полку, срывает со стола газету "Вестник смотрителя маяка", бешено кружится внутри башни и с ревом устремляется вниз. Вот тут-то и раздается сигнал дяди Амброзиуса. Я быстро закрываю люк изнутри и слышу, как внизу Карлина захлопнула дверь. Теперь слышен только рев бури. Я спускаюсь вниз и вижу дядю Амброзиуса и Карлину. Вижу, что они хохочут, но смеха не слышу. Его заглушает звук рожка. Но кто же трубит в рожок? Он висит на гвозде, на стенке. А! Видно, бродяга Расмус нашел свое последнее пристанище и жалобно трубит:

Я пролетаю по морю и суше,
Топлю корабли я с людьми и мышами,
Крыши срываю с домов и конюшен,
Сосны валю, пролетая лесами.
Песни пою я, и песни те страшны,
И не снести мне позора и горя;
Вы заманили меня в эту башню,
Расмус в темнице, и дверь на запоре![1]

Дядя Амброзиус кивает головой в такт словам ветра.

— Расмус, старый проказник, — говорит он. — Ты когда-нибудь делал что-нибудь полезное?

Ветер отвечает:

По свету цветов семена разношу я,
Луга одеваю я пестро и ярко,
И мельницы все ветряные верчу я,
И приношу холодок, когда жарко,
Для всех матерей пеленки сушу я,
Воздушного змея по небу ношу я.

— Послушай, дядя, — говорит Карлина. — Может, отпустим Расмуса, старого проказника? Осенью мы ведь хотим запустить змея. Пусть Расмус носит его по небу!

Я знаю, что без ветра змей не полетит, но все же возражаю:

— Подумай о кораблях в открытом море, о сорванных крышах... Как же мы отпустим его, Карлина?

— Да нет, мы, конечно, отпустим Расмуса, старого проказника, — говорит дядя Амброзиус. — Но отпускать его будем не сразу, а по частям, маленькими ветерками.

— Может быть, ты разольешь его по бутылкам? — догадываюсь я.

— Ветер по бутылкам не разольешь, — отвечает дядя Амброзиус. — Но мы сделаем так, что он сам полезет в бутылку.

— А если он не захочет? — спрашивает Карлина.

— Не захочет — заставим, — отвечает дядя Амброзиус и обращается к ветру: — Эй, Расмус, старый проказник, если ты сейчас же не войдешь в бутылки, ты вообще никогда отсюда не выйдешь!

Ветер бормочет:

Закрыты все двери, закрыты все щели.
И мне никогда не спастись неужели?
И я просижу в этой башне века?..
Но как без меня поплывут облака?
Придется смириться, стать маленьким надо,
Забраться в бутылки из-под лимонада...

---

[1] Все стихи в этой книге даны в переводе Е. Гулыги.

— Ребята! — кричит дядя Амброзиус. — Закрывайте-ка все бутылки, да покрепче!

Мы закрыли все бутылки и вышли на улицу.

Шторм прекратился. Море успокоилось. Из порта доносится рокот моторов. Это рыбаки Габуна вышли в море ловить рыбу. Тепло. Тихо. Мы упрятали ветер в лимонадные бутылки.

Дядя Амброзиус, Карлина и я возвращаемся в прохладную башню. К дяде Амброзиусу пришел начальник пожарной команды Габуна. Он следит, чтобы в лесу не разводили костров. В такую жару лес может легко загореться.

— Добрый день, Амброзиус, — говорит главный пожарник Габуна. — Жарища... — Большим носовым платком он вытирает пот со лба.

— Добрый день, — отвечаем мы хором.

— Целых три ящика лимонада! — удивляется пожарник. — Зачем вам столько?

— Да так, на всякий случай, — отвечает дядя.

— Ну, одну-то бутылочку ты мне подаришь, — говорит пожарник.

Карлина хочет что-то сказать, но он открывает бутылку и... падает на стул. Из бутылки с силой вырывается ветер и через дверь мгновенно вылетает на улицу. На пляже он с разбега валит несколько шезлонгов, и все курортники вскрикивают от неожиданности.

— Я так и знал, — говорит пожарник, придя в себя. — Я так и знал, что это ты запер ветер.

— Ну и что же? Разве нельзя? — спрашивает дядя.

— Почему нельзя? Можно, конечно, — говорит пожарник. — Теперь я по крайней мере буду знать, к кому обращаться, когда понадобится ветер.

Главный пожарник Габуна подает всем на прощание руку и, весело насвистывая, уходит.

Весть о ветре, запертом в лимонадные бутылки, быстро разнеслась по округе. Из газеты приходили корреспонденты, фотографировали ящики с бутылками. На следующий день об этом знали все. Телефон на маяке звонил непрерывно. Мы трое, дядя Амброзиус, Карлина и я, по очереди подходили к аппарату. Все обращались к нам с просьбой. Где-то нужен ветер, чтобы просушить белье. Мы откупориваем бутылку. В другом месте должны состояться парусные гонки. Мы, конечно, открываем еще бутылку. В каком-то городе люди изнывают от жары. Как тут не помочь! Откупориваем очередную бутылку.

С каждым днем бутылок с ветром становится все меньше и меньше. К сожалению, и прекрасное время каникул тоже подходит к концу. Остался только один день. И осталась лишь одна бутылка с ветром.

Дядя Амброзиус говорит:

— Откроете ее только в крайнем случае.

Мы прощаемся с дядей и идем на вокзал. Через каждые два шага мы оглядываемся. Дядя Амброзиус сидит на верху башни и курит свою трубку.

— Жаль, что бутылки так быстро опустели, — печально говорит Карлина.

— Ничего, — говорю я, — на будущее лето мы снова поймаем Расмуса.

— Конечно, — Карлина подпрыгивает от радости. — Мы поймаем ветер! И облака! И солнечные лучи! Мы сделаем погоду такой, как нужно людям!

И в этом нам поможет Амброзиус Танкгабель, наш добрый дядя.

Барбара Аугустин

Антонелла и ее Дед Мороз

Эта история произошла в небольшом городе на берегу моря, в одном из горных районов Италии.

Лето в Италии жарче, чем у нас, и длится оно дольше, но зима со снегом и морозами тоже бывает. Дети там, как и везде, ходят в школу. Но только у итальянских детей имена не такие, как у нас. Итальянских мальчиков и девочек зовут Лючия, Бригелла, Паоло, Антонио... Есть, конечно, и другие имена.

Женщину в Италии называют синьорой, девушку синьориной, а мужчину синьором.

Теперь вам будет легче представить себе город, где живет девочка Антонелла, о которой и пойдет речь в нашем рассказе.

Приближался Новый год, и Антонелла на листочке бумаги нарисовала то, что хотелось бы ей получить в подарок к этому празднику от Деда Мороза. Антонелла ходила в первый класс и писать еще не умела. Она нарисовала красные роликовые коньки, положила листочек с пожеланием на подоконник и стала ждать. Она ждала день, другой...

Но все напрасно. Прошло уже много дней, но никто за листочком не приходил.

Антонелла пала духом, приуныла.

Однажды это заметила даже учительница, синьорина Мерегалли.

— Что с тобой, Антонелла? — спросила она.

— Дед Мороз не берет мой листочек с пожеланием, — ответила девочка.

Не успела Антонелла договорить, как весь класс громко рассмеялся.

— Дед Мороз бывает только в сказках. На самом деле никакого Деда Мороза нет, — наперебой кричали ребята, не переставая смеяться.

— Неправда! — чуть не плача, защищалась Антонелла. — Дед Мороз есть! Есть! Есть!

Синьорина Мерегалли строго сказала:

— Перестаньте смеяться над Антонеллой! Прекратите шум!

У Антонеллы началось трудное время. Не было дня, чтобы одноклассники не дразнили ее:

— Посмотрите-ка на эту глупенькую Антонеллу, она верит в Деда Мороза!

— Ну, Антонелла, как у тебя дела с Дедом Морозом?

Антонелла с большим трудом сдерживала слезы. Нет, ходить в школу она больше не будет.

Но и дома печаль ее не оставляла. Почему Дед Мороз до сих пор не взял ее листок? Неужели он забыл про нее? Ведь она не сомневалась, что Дед Мороз существует. А может, его нет? Ответить на все эти вопросы сможет только Джино.

Мальчику Джино уже десять лет, и, несмотря на разницу в возрасте, он лучший друг Антонеллы. Джино знает все.

— Джино, скажи, пожалуйста, есть Дед Мороз или нет?

Джино сделал серьезное лицо и как-то сразу повзрослел. Он долго думал и наконец сказал:

— Гм, значит, так, Антонелла. Понимаешь ли... Дед Мороз конечно есть.

Антонелла просияла.

— Но... детей очень много, поэтому родители должны ему платить за подарки. Понимаешь?

Антонелла заплакала. Крупные слезы текли по щекам и скатывались за воротник.

Джино испугался. Когда Антонелла плачет, он становится беспомощным. Он и сам готов заплакать — так ему бывает жалко свою подругу.

— Не плачь, Антонелла. Перестань, пожалуйста.

— Значит, я ничего не получу к Новому году. Мои родители бедные и не смогут заплатить Деду Морозу.

И Антонелла опять заплакала.

— Знаешь что, Антонелла? — сказал Джино. — Напиши-ка Деду Морозу письмо и объясни ему все, как есть.

Вот это мысль! Антонелла перестала плакать и, повеселевшая, обняла своего друга.

— Ты мне поможешь, Джино?

— Конечно! Разве мы не друзья, Антонелла!

Вдвоем они быстро придумали письмо:

Дорогой Дедушка Мороз!

Две недели лежит мой листок с пожеланием на подоконнике и ждет тебя. Может быть, ты и был у нас, но ждешь, пока мои родители тебе заплатят. Но мои родители, к сожалению, не смогут тебе заплатить. У них много других забот. Зима наступила рано, буря порвала сети, и у родителей не было рыбы для продажи.

Дорогой Дедушка Мороз, я очень хочу роликовые коньки. Только коньки — и больше ничего.

Но если у тебя есть какие-нибудь лоскутки, пришли, пожалуйста. Я сошью моей обезьянке Анджеле штанишки. Мама говорит, что обезьянам штанишки не нужны. Но как же так? Им-то ведь тоже холодно! Подумай, пожалуйста, и о моем друге Джино. Он помогал мне писать это письмо. Дедушка Мороз, будь добр, не забудь мою просьбу. Очень тебя прошу. Очень!

Твоя Антонелла.

На конверте она написала адрес: "Деду Морозу".

— Сейчас, Джино, я отнесу письмо на почту.

На почте Антонелла едва доставала до окошечка, где принимают письма. Она встала на цыпочки и громко сказала:

— Здравствуйте, синьорина. Я хотела бы отправить письмо.

— "Деду Морозу", — прочитала она. — А где живет этот синьор Мороз?

— Как же вы его не знаете, синьорина? Я пишу Деду Морозу!

Синьорина Лючия усмехнулась. Она подумала, что дети решили над ней подшутить.

— Некрасиво... Такая хорошенькая девочка, а подшучиваешь над взрослыми. Никогда не делай этого!

Радость исчезла с лица Антонеллы, слезы навернулись на глаза. Синьорина Лючия поняла, что девочка и не думала шутить, но как ей помочь?

— Я, к сожалению, не знаю, где живет Дед Мороз. К сожалению... не знаю...

Никогда Антонелла не чувствовала себя такой несчастной, как теперь. Она направилась к двери.

— Спроси-ка у Шарика-Пиноре, — крикнула синьорина Лючия вслед расстроенной Антонелле. — Он все знает!

Синьор Пиноре летом продавал мороженое, а зимой — чай и горячие жареные каштаны. Но в любое время года над его коляской летала большая связка воздушных шаров для детей. Поэтому все жители маленького городка звали синьора Пиноре — Шариком-Пиноре.

Увидев расстроенную Антонеллу, он крикнул:

— Эй, Антонелла, что с тобой? Не вешай голову! Выпей со мной чашечку чая.

Антонелла взяла чашку чая и села рядом с ним, на краешек фонтана. Она молча пила чай. Решив, что молчание Антонеллы слишком затянулось, синьор Пиноре спросил:

— Что случилось, Антонелла? Расскажи, пожалуйста.

Она протянула ему свое письмо Деду Морозу.

— Ты не знаешь, где он живет?

Нет, этого синьор Пиноре, к сожалению, не знал.

— Может, он живет за большой горой? — размышляла Антонелла. — Может, на другом берегу моря? Или даже за облаками?

— Он живет на земле, это верно, — проговорил Шарик-Пиноре. — Но где? Вот в чем загадка.

И вдруг взгляд синьора Пиноре остановился на разноцветных шариках, без устали танцующих в связке. Теперь Шарик-Пиноре знал, что надо делать.

— Пошлем-ка мы на поиск Деда Мороза какой-нибудь шарик. Он-то обязательно найдет дорогу к Деду Морозу.

Антонелла повеселела. Она завернула письмо в непромокаемый лоскуток, туго перевязала его бечевкой и прикрепила к самому лучшему красному шарику. Синьор Пиноре поднял Антонеллу на плечи, чтобы шарик взлетел повыше.

— Счастливого пути, — прошептала Антонелла.

— Передай Деду Морозу привет от меня, — тихо сказал Шарик-Пиноре.

Они долго смотрели вслед красному шарику, который поднимался все выше и выше и вскоре скрылся за серой снеговой тучей.

Много преград встретил красный шарик на своем долгом и трудном пути. Северным ветром бросаемый, южным в сторону сдуваемый, западным ветром подгоняемый, восточным назад возвращаемый, летел он без отдыха над горами и лесами, деревнями, городами.

Но зима с морозами и туманами — не самое лучшее время для путешествия воздушного шарика. Вскоре он устал и начал опускаться на землю. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Над городом Будапештом, столицей Венгрии, он уже падал. Шарик падал прямо на школьный двор. Первым его заметил Янош.

— Смотрите, смотрите! Что-то летит! — закричал он.

— Спутник!

— Метеорит!

— Кусочек солнца!

Ребята наперебой выкрикивали свои догадки и, не отрывая глаз, смотрели на приближающуюся красную точку. Но когда они увидели обыкновенный воздушный шарик, совсем разочаровались.

— Всего-навсего воздушный шарик.

— Посмотрите! К нему что-то привязано.

Весь класс устремился на школьный двор. И даже учитель побежал с ребятами. Подняли письмо, но никто не мог прочитать адрес: в Венгрии все говорят и читают по-венгерски.

И как же горд был класс 8 "А", когда учитель сказал:

— Это же итальянский! Дайте-ка сюда, я переведу. "Дорогой Дедушка Мороз!" — читал учитель.

Ребята захохотали. Но когда учитель стал читать письмо дальше, все притихли.

— Ну, все теперь понятно. Пошлем Антонелле посылку, — предложил Янош. — И письмо.

После обеда они собрали деньги и купили Антонелле новогодние подарки. В первую очередь, конечно, роликовые коньки и штаны для обезьянки. Не забыли купить шоколадок и разных конфет.

Ребята все тщательно упаковали, учитель из 8 "А" написал по-итальянски адрес и новогоднее послание.

В тот же день ребята авиапочтой отправили посылку и письмо в маленький итальянский городок.

Антонелла снова ходит в школу. Одноклассники почти перестали дразнить ее, а тем, кто все же пытался подтрунивать над ней, она отвечала: "Увидите, что будет!"

Иногда она прибегала к Шарику-Пиноре и спрашивала:

— Долетит?

— Конечно, — каждый раз отвечал синьор Пиноре. Но когда Антонелла уходила, он с тревогой смотрел вдаль, куда улетел красный шарик, и с сомнением покачивал головой.

До Нового года и зимних каникул оставалось совсем немного. Но время как будто остановилось. Так всегда бывает, когда ждешь какого-нибудь важного события.

Наконец наступил Новый год. Ребята с шумом высыпали на городскую площадь.

И вдруг на площадь с рокотом въехал почтовый мотороллер. Синьорина Лючия остановилась возле Шарика-Пиноре и позвала Антонеллу. Все обступили мотороллер и устремили удивленные взгляды на большую посылку.

— Это тебе, Антонелла, — сказала синьорина Лючия. — И письмо тебе... Открой-ка! Интересно, от кого это?

— Читай, читай! — кричали все наперебой.

— Вы сейчас удивитесь! — сказала синьорина Лючия.— Прочитать, Антонелла?

Антонелла схватила Шарика-Пиноре за руку и кивнула синьорине Лючии. От волнения она не могла говорить. Синьорина Лючия стала читать:

Дорогая Антонелла!

Твое письмо благополучно доставил мне воздушный шарик. Надеюсь, в посылке ты найдешь все, что желала. Родителям передай: никакая плата мне не нужна. Ни в этом году, ни во всех будущих. Убедительно прошу тебя: на следующий год посылай письмо с пожеланиями по правильному адресу: Венгрия, Будапешт, школа № 10, Деду Морозу. Напиши мне, годились ли тебе коньки и не зябнет ли твоя обезьянка Анджела.

Передай мой привет и новогодние поздравления твоим родителям, Джино и всем друзьям.

Сердечно приветствую тебя до следующего Нового года.

Твой Дед Мороз.

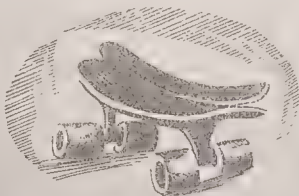
У Антонеллы есть настоящий Дед Мороз! Это слышали все! Теперь никто не станет смеяться над ней и ее Дедом Морозом. Счастьем светились лица Антонеллы, синьора Пиноре и Джино.

Ребята в восторге кричали:

— Да здравствует Дед Мороз Антонеллы! Ура! Ура! Ура!

А синьор Пиноре послал в зимнее небо три воздушных шарика: красный, зеленый и синий.

Письмо от своего Деда Мороза Антонелла сохранила на память.

Гюнтер Фойстель

Три Цецилии

Лес Трех Цецилий

За высокой горой лениво плещется на солнце большое озеро.

За большим озером широко раскинулся цветистый луг.

А за цветистым лугом стоит маленький домик.

В домике живут дедушка с бабушкой и три маленькие девочки. Девочек зовут Цецилиями. Собственно, зовут их Анка, Блата и Цецилия. Но все называют их одним именем, потому что три маленькие девочки похожи друг на друга, как три румяных яблочка.

Однажды, в день рождения — а они родились, конечно, в один день, — дедушка подарил им лес. Лес Трех Цецилий — так стали называть его люди. Он растет сразу же за курятником, у подножия высокой горы. Три маленьких березки, орешник и ветвистая бузина — вот и весь лес Трех Цецилий.

Ну, теперь вы представляете себе и маленький домик за цветистым лугом, и трех румяных Цецилий, и лес, который подарил им дедушка.

Как три Цецилии весной белье стирали

Весеннее солнышко щекочет у дедушки в носу. Апчхи! — чихает дедушка и смеется. Он усаживает трех Цецилий на качели. Девочки берут с собой куклу Каролину.

Качели взлетают все выше и выше, почти достают цветущий орешник.

— Я могу схватить облако, — говорит одна из Цецилий, и в этот момент кукла Каролина падает с качелей прямо в лужу.

Три Цецилии в испуге спрыгивают с качелей. Какой ужас! Голубое пальто Каролины все в грязи, платье и белые чулочки тоже.

— Давайте все постираем, — предлагает первая Цецилия.

Три Цецилии идут в дом. Они приносят маленькое корыто, стиральную доску и бабушкин большой кусок мыла. Девочки раздевают Каролину и принимаются за работу.

Первая Цецилия чистит голубое пальтишко.

Вторая Цецилия отмывает красное платьице.

Третья Цецилия стирает белые чулочки.

— Ну вот, снова все чистенькое! — радуются Цецилии и вешают кукольное белье на куст бузины.

Но погода весной меняется быстро и неожиданно. Вот и сейчас. Небо заволакивают темные тучи, грохочет гром, и на землю падают тяжелые капли дождя.

— Гроза! — кричит третья Цецилия.

Три Цецилии бегут к бабушке на кухню. Капли дождя уже барабанят в

окно и разбиваются о стекло.

Но весенняя гроза всегда торопится. Налетела, отгрохотала и умчалась дальше.

Снова светит солнце. Три Цецилии бегают перед домом, шлепают по лужам, брызгаются. Из дедушкиной газеты они складывают кораблики и пускают их в плавание.

Незаметно наступает вечер, пора спать.

На следующее утро бабушка находит куклу Каролину под кустом бузины. Совсем голенькую. Трем Цецилиям, конечно, стыдно. Они ищут вещи Каролины. Ищут под кустом бузины, ищут под тремя березками, под орешником. Весь лес обошли три Цецилии, но ничего, даже чулочка, найти не могут.

Кукла Каролина сидит на скамеечке и грустит. Цецилии заглядывают в малинник у забора, и тут же из гнезда вылетает перепуганный дрозд. Как же удивились Цецилии, когда увидели в гнездышке два голубеньких яичка, а под ними — чулочек куклы Каролины.

Цецилии стоят перед малиновым кустом и не знают, что делать.

— Не беда, — говорит первая Цецилия. — Весной чулочки не очень нужны.

— А платьице? — говорит вторая Цецилия.

— Давайте поищем платьице, — предлагает третья Цецилия.

Они ищут платьице на лугу за забором, ищут у озера.

На старой иве аист свил себе гнездо. На краю гнезда алеет что-то красное.

— Смотрите-ка, там что-то красное, — шепотом говорит первая Цецилия. — Почти как платьице нашей Каролины.

— Так это оно и есть, платьице нашей Каролины! — вскрикивает вторая Цецилия.

— Аист, аист, ты зачем украл платьице нашей Каролины? — кричит третья Цецилия.

Аист щелкает клювом, взмахивает крыльями. Три Цецилии в испуге бросаются наутек. Девочки прячутся у дедушки в сарае. Они сидят на корточках за дверью и смотрят в щелочку.

Позади них кто-то тихо мяукает. Цецилии оборачиваются и видят: в темном углу лежит голубое пальто куклы Каролины и... шевелится.

Первая Цецилия поднимает пальто. Под ним спят четыре маленьких, пестреньких котенка.

— Надо их накрыть, чтобы они не простудились, — говорит третья Цецилия и нежно гладит котят пальчиком.

Цецилии осторожно накрывают котят голубым пальто куклы Каролины и идут к бабушке.

— Знаешь бабушка, — говорит первая Цецилия, — все звери и птицы строят себе гнёздышки. Они, как и люди, выхаживают своих детей, заботятся о них.

— Укрывают их от холода, — добавляет вторая Цецилия.

— Видно, для этого они и забрали одежду нашей Каролины, — со вздохом говорит третья Цецилия. — Надо же им чем-то укрывать своих детишек.

Бабушка и три Цецилии сидят под старым, раскидистым орехом в лесу Трех Цецилий и шьют для куклы Каролины зеленое платье в белый горошек.

Вдруг прилетает дерзкий папа-дрозд и уносит из бабушкиной коробки целый моток красной шерсти.

— Ну, погоди, разбойник! — грозит ему первая Цецилия.

Бабушка смеется и вешает на ветку ореха синюю шерстяную нитку.

— Это для птенцов. Они — тоже дети. А все дети любят яркое, пестрое.

Что у трех Цецилий с ёжиком Александром приключилось

Ласковое майское солнце греет своими лучами маленький домик, где живут три Цецилии.

— Какая чудесная погода! — радуются Цецилии. — Как раз для майских жуков!

Они приносят из подвала бабушкину стеклянную банку и ставят ее в лесу Трех Цецилий.

В бузине жужжат три майских жука. Каждая Цецилия ловит по одному жуку. Жуков они накрывают банкой, чтобы не улетели.

— Сидите тут хорошенько, — говорит жукам одна из Цецилий. — А мы

пойдем ловить других жуков.

Три Цецилии идут за жуками, но на этот раз им не повезло. Не поймали ни одного.

Усталые девочки возвращаются к стеклянной банке и видят: под банкой скребется только один жук. Цецилии даже испугались. Куда же делись остальные? Они садятся в траву и, грустные, смотрят на оставшегося жука.

— Наших жуков кто-то украл! — говорит первая Цецилия. Вторая и третья Цецилии молча кивают.

И вдруг из малинника доносится какой-то шорох. Три Цецилии сидят притихшие. Из травы показывается сначала мордочка с малюсеньким носиком, а затем осторожно выкатывается колючий клубок. Ежик! Ежик семенит к стеклянной банке и нетерпеливо обнюхивает ее. Маленькой мордочкой он приподнимает банку и расправляется с последним жуком.

— Ах ты бессовестный! — кричат Цицилии. — Как тебе не стыдно! Съел всех наших жуков!

Ежик сворачивается в колючий клубок.

— Давайте отнесем его к дедушке, — говорит первая Цецилия.

Но клубок ощетинивается острыми иголками, и взять его голыми руками не так-то просто. Догадливые Цецилии приносят веник и совок для мусора. Веником они поддевают ежика на совок.

— Так тебе и надо! — кричат Цецилии. — Не будешь наших жуков воровать.

Ежика сажают на садовый стол. На другом краю стола — молочный суп, приготовленный к ужину для дедушки.

Ежик принюхивается, тихо фыркает, шурша своими иголками. И вдруг он бежит через весь стол и принимается есть дедушкин суп.

— Ну и аппетит! — удивляется первая Цецилия.

Ежик испуганно закрывает мордочку иголками, но не отрывается от тарелки с молочным супом. Цецилии весело смеются.

Приходит дедушка.

— Что ты делаешь, Александр! — возмущается дедушка. — Это же мой суп!

— Дедушка, ты его знаешь? — спрашивают удивленные Цецилии.

Дедушка молча кивает.

Ежик семенит к дедушке и доверчиво обнюхивает его руку. Трем Цецилиям нравится дружба дедушки с Александром, и они решают тоже подружиться с ежиком.

Каждый вечер Цецилии приносят к малиновому кусту блюдечко с молоком. И каждый вечер приходит сюда ежик Александр. С фырканьем и чмоканьем он пьет молоко, а напившись, по очереди тыкается мордочкой в руки девочек. Со временем три Цецилии понравились ежику и он привык к ним.

Но однажды, в четверг, Александр не пришел к малиновому кусту. Не пришел он ни в пятницу, ни в субботу.

Три Цецилии ищут его везде, заглядывают во все уголки сада, но найти не могут. Они спрашивают про ежика у дедушки. Но дедушка тоже не видел ежика. Цецилии совсем загрустили.

— Может, мы чем-то обидели Александра? — говорит первая Цецилия.

— Может, он куда-нибудь уехал? — спрашивает вторая Цецилия.

Но дедушка отвечает, что ёжики никуда не уезжают.

Проходит неделя, за ней другая, потом третья.

Цецилии сидят в малиннике и плетут венок из одуванчиков.

Вдруг что-то шуршит, а затем громко фыркает.

— Дедушка! Дедушка! — радостно кричат Цецилии. — Александр вернулся!

По траве, семеня ножками, ежик направляется к девочкам и ищет блюдечко с молоком. За ежиком семенят пять крошечных ежат.

Три Цецилии хлопают в ладоши от восторга. Они хотят погладит ежат, но их мама сердито шипит, беспокойно мечется между ежатами и хочет укусить Цецилий.

— Глупый! — возмущенно кричат Цецилии. — Как тебе не стыдно, Александр!

Но дедушка смеётся.

— Наш Александр на самом деле оказался Александриной.

Теперь смеются и три Цецилии. Они

бегут в дом и приносят молока для всей ежиной семьи.

С каждым днем ежата становятся все больше и больше, а их иголки все острее и острее. Наконец, ежата вырастают и расходятся в разные стороны. Только их мама каждый вечер приходит к малиновому кусту.

И ни одна Цецилия не ложится спать, пока Александрина не выпьет на ужин молока из своего блюдечка.

Однажды, когда ноябрьский дождь пролил на садовые дорожки большие лужи, три Цецилии ждали Александрину. Но она не пришла.

— Может, ее схватила лиса? — испугалась третья Цецилия.

— Нет, — говорит вторая Цецилия. — У нее, наверное, снова появились ежата.

Тогда дедушка вместе с тремя девочками идет к большой куче сухих листьев у забора. Он осторожно разгребает листву. Цецилии стоят тихо, боятся шелохнуться. Они слышат легкое похрапывание. Одна из Цецилий шепотом спрашивает:

— Кто это так храпит?

Дедушка осторожно сгребает листву.

— Это наша Александрина. Она теперь будет спать целую зиму.

— Целую зиму? — удивляются Цецилии.

Дедушка молча кивает.

Три Цецилии на цыпочках возвращаются в дом.

— Как хорошо, что нам не нужно спать всю зиму,— говорит первая Цецилия.— Мы никогда не смогли бы покататься на санках.

Как три Цецилии самые красивые на свете яички искали.

Стоит ясное солнечное утро.

Дедушка, бабушка и три Цецилии сидят под развесистым орешником в лесу Трех Цецилий и завтракают.

— Куда делась наша беленькая курочка? — спрашивает первая Цецилия.

— Цып-цып-цып! — зовет вторая Цецилия.— Цып-цып-цып!

Бабушка намазывает булочки сливовым повидлом.

— Может быть, белая курочка сегодня не хочет завтракать?

— А вдруг она заболела! — в испуге вскакивает третья Цецилия.

Цецилии бегут к курятнику. Все куры сидят вместе и кудахчут. Только беленькая курочка сидит одна в самом темном углу.

"Ко-ко-ко!" — кудахчет она сердито.

— Может, она на нас обиделась? — первая Цецилия хочет погладить белую курочку.

"Ко-ко-ко!"— белая курочка распускает крылья и, встревоженная, беспокойно ходит.

— Я так и знала,— печально говорит третья Цецилия.— Белая курочка заболела!

Приходит дедушка и берет белую курочку на руки.

— Она хочет сесть на яички и вывести маленьких цыплят.

Три Цецилии оцепенели от ужаса.

— Но яички белой курочки мы всегда ели на завтрак,— говорит третья Цецилия.

— Наверное, поэтому белая курочка на нас сердится,— первая Цецилия строго смотрит на других Цецилий.— Что будем делать?

— Мы найдем нашей белой курочке другие яички,— решительно говорит вторая Цецилия.

— Мы найдем ей яички самые красивые на свете! — еще решительнее заявляет третья Цецилия.

Три Цецилии идут через широкий луг к маленькому озеру у высокой горы. На берегу, под ивами, они находят гнездо дикой утки и в нем несколько серо-зеленых яичек с черными точечками.

— По-моему, эти яички самые красивые на свете,— с восторгом заявляет первая Цецилия.

Она берет из гнезда одно яичко и кладет его в кармашек фартука.

— Возьму-ка я еще одно,— говорит вторая Цецилия.

Она берет из гнезда еще одно яичко и тоже кладет его в кармашек фартука.

Третья Цецилия осторожно берет еще одно серо-зеленое яичко.

И они несут три яичка белой курочке.

Курочка приветливо клохчет и тут же усаживается на яички.

— Никому об этом не скажем! Секрет! — говорит первая Цецилия и прикладывает ко рту пальчик.

Прошло три недели. Воскресным утром дедушка, бабушка и три Цецилии сидят за завтраком под раскидистым орешником, и вдруг под дедушкиным стулом раздается "Пик-пик-пик!". Дедушка испуганно вскакивает. "Пик-пик-пик!" — слышится за лейкой. Бабушка отодвигает лейку. Три пушистых сереньких утеночка, переваливаясь с боку на бок, направляются под стол.

"Ко-ко-ко! — доносится из бузины. К удивлению дедушки и бабушки, оттуда выскакивает белая курочка. Она подбирает под столом крошки хлеба. А в это время три пушистых, сереньких утёночка забираются в бочку с дождевой водой и весело плескаются там.

Белая курочка в тревоге бегает вокруг бочки. "Ко-ко-ко", — зовет она утят. Но они, не обращая внимания на белую курочку, с удовольствием ныряют и плескаются.

И вдруг белая курочка влетает прямо в бочку с водой. Она могла утонуть, если бы дедушка не спас ее.

— Даже из самых красивых яиц на свете не всегда вылупляются самые послушные дети. — Дедушка укоризненно смотрит на трех Цецилий.— У этих утят должна быть своя мама-утка. А у белой курочки должны быть свои дети — цыплята! Понятно?

Цецилии стоят, опустив глаза,— им стыдно.

— Кто заварил эту кашу, пусть ее и расхлебывает,— сердито говорит бабушка.

Она ведет Цецилий на кухню и показывает, как готовить завтрак маленьким утятам.

Трем Цецилиям и белой курочке пришлось немало потрудиться, пока маленькие серенькие утята стали большими великолепными утками.

Однажды осенью, когда сочные груши падали с дерева прямо в траву, а дни становились короче, над раскидистым орешником пролетала стая диких уток.

Выкормленные Цецилиями утки безмятежно лежали в траве и грелись на солнышке.

Вдруг они вытянули шеи и встревоженно закричали: "Кряк-кряк-кряк!". Неуклюже махая крыльями, они поднялись в воздух и полетели вслед за дикими утками.

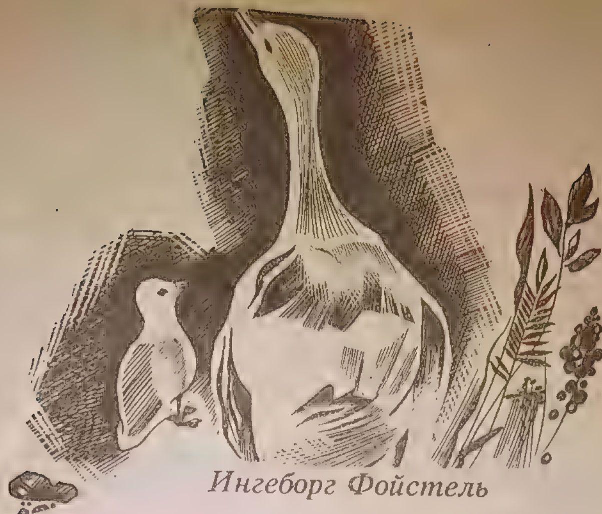
Белая курочка, в отчаянии хлопая крыльями, беспокойно забегала по саду.

Три Цецилии замерли от испуга. Опомнившись, они побежали через луг к озеру.

На озере плавало много, много уток. "Кряк-кряк-кряк!" — кричали они. Потом вся стая поднялась в воздух и вместе с питомцами Цецилий скрылась за высокой горой.

Три Цецилии стояли на берегу озера и махали руками, провожая утиную стаю и своих питомцев.

Ингеборг Фойстель

Утёнок

Однажды утка устроила гнездо у ручья и положила в него яички. Пришло время, из яичек вылупились пушистые утята. Вместе с мамой утята поплыли вниз по ручью. Но в гнезде осталось еще одно яичко. Почему осталось? Неужели о нем забыли?

Яичко тихо сделало "кнак", и появился самый маленький утенок. Такой маленький, что даже трудно себе представить!

В гнездо заглянул крот, увидел утенка и сказал:

— Какой маленький!

— А как ты стал большим и сильным? — пропищал утенок. — Научи!

— Надо лапами копать, копать, копать, — сказал крот, — и тогда будешь большим и сильным.

Утенок попытался копать своими лапками, но у него ничего не получилось.

— Не умею я копать! — огорчился утенок.

И тут из куста выглянул заяц.

— Как стать большим и сильным? — спросил его утенок. — Научи!

Заяц подумал и сказал:

— Надо много прыгать и петлять!

— Что такое "петлять"?

— Петлять — это значит бегать не прямо, а делать петли,— ответил заяц.— Вот так, — показал он.

Утенок сразу подпрыгнул и попытался сделать петлю, как заяц, но споткнулся и едва не скатился в мышиную норку.

В это время он увидел белку на дереве.

Утенок пожаловался белке:

— Копать я не могу, петлять не умею, но хочу быть большим и сильным. Скажи, белка, как мне быть?

— Прыгай по деревьям, грызи орешки, — сказала белка, — будешь большим и сильным.

Утенок разбежался, чтобы прыгнуть на дерево, больно ударился головой об ствол и опрокинулся на спину. Так он лежал, пока не увидел аиста.

— Аист, скажи, как стать большим и сильным?

Аист щелкнул клювом и сказал:

— Лови лягушек и будешь большим и сильным.

Утенок собрался с силами и смело преградил дорогу зеленой лягушке.

— Я хочу тебя поймать! — крикнул он.

— Кваак-кваак! — засмеялась лягушка и стала надуваться.

От страха утенок упал.

— Я ничего не умею, я слишком маленький, — вздохнул утенок и скатился в ручей. Вдруг его лапки как бы сами расправились, и он поплыл.

И старый гусь прогоготал ему вслед:

— Только не надо падать духом, каждый что-нибудь умеет.

Утенок приплыл к своим братьям, поклевал с ними червяков, каши — и сразу стал на два грамма больше и чуть-чуть сильнее.

Гельмут Гербер

Великан Арчибальд

Бах! Бах! — часто раздается в горах и так громко, что все птицы в лесу с криком взлетают ввысь, а зайцы в панике прячутся в кусты. Даже огромная скала содрогается каждый раз.

Высоко в горах, в пещере, спрятанной под деревьями и кустами, просыпается великан Арчибальд. Он испуганно моргает заспанными глазами. В пещере темным-темно: великан закрыл вход огромным, как телега, камнем. Это было давным-давно, когда великан укладывался спать на долгие годы. За это время у него отросла борода до самого пояса, а сапоги покрылись мохом. Мыши устроили в бороде великана уютные норки, а в карманах его широченных штанов жили муравьи.

Арчибальд сердито ворчит:

— Кто посмел разбудить меня?

Он упирается сапогами о камень, закрывающий вход в пещеру, и огромная глыба стремительно катится вниз.

В пещеру врываются яркие лучи солнца. У великана защекотало в носу, и он чихает. Из пещеры вырывается густое облако серой пыли. Мыши выскакивают из бороды, а муравьи выползают из карманов.

Арчибальд высовывает косматую голову наружу.

— В чем дело? Откуда такой грохот?

Великан не верит своим глазам. Как изменился его лес под горой! Деревья спилены, повсюду стоят какие-то странные машины. У его скалы отколот огромный угол.

Великан еще больше высовывается из пещеры наружу. Внизу сверкает молния, грохочет гром. Скала снова вздрагивает, высоко в воздух летят камни и песок.

Испуганный Арчибальд содрогается от кончиков всклокоченных волос до носков замшелых сапог. Он едва приходит в себя и через деревья и кусты катится с горы вниз. Скатившись в долину, он хочет встать на ноги, но не тут-то было. Великан угодил в какую-то липкую, грязную кашу. Испуганный и удивленный, он барахтается в этой каше.

Дорожно-строительные рабочие с удивлением смотрят на великана, кладут на землю инструменты, останавливают машины. Карл выходит из кабины своего автокрана и даже забывает закрыть дверцу, чего с ним никогда не случалось. Добродушный Фриц замирает. Оторопь берет даже бригадира Пауля.

Арчибальд стряхивает с рук прилипшую кашу.

— Что тут у вас происходит? — спрашивает он. — Откуда эта липкая грязь?

Великан говорит дружелюбно и спокойно, но голос у него оглушительный. Карл вынужден натянуть на уши шляпу, чтобы не оглохнуть.

Бригадир Пауль смотрит снизу вверх на великана и что есть силы кричит:

— Липкая грязь называется у нас бетоном. Мы — рабочие — прокладываем здесь шоссейную дорогу. А ты кто?

— Я — Арчибальд, самый сильный в округе великан, проспал в пещере много-много лет и очень хотел бы знать, почему здесь, у моей горы, сверкают молнии и грохочет гром.

— Нам пришлось взрывать выступ горы, — отвечает Пауль. — Он мешал прокладывать шоссе.

Арчибальд встает на ноги и с удивлением рассматривает камни, оторванные взрывом от скалы.

— Настоящий великан! — удивляется Фриц. — Чтоб шепнуть ему на ухо, надо становиться друг другу на плечи, как это делают акробаты в цирке...

Арчибальд оттирает бетон, прилипший к штанам, и делает шаг в сторону. Он хочет выбраться из бетона и наступает на новый, еще не утрамбованный откос дороги.

Под его тяжестью рыхлая земля осыпается. Чтобы не свалиться под откос, великан опирается о деревянный столб с электропроводами.

— Эту палочку я возьму вместо костыля, — говорит Арчибальд и пытается выдернуть столб из земли.

Провода мешают ему, и он хочет их оборвать.

— Перестань, Арчибальд! — кричит Пауль. — Это опасно!

Но поздно. Арчибальд в испуге отбрасывает столб с проводами и бормочет:

— Будь ты неладна, дьявольская штука! — его ударило током.

— К счастью, все обошлось благополучно, — облегченно вздыхает Фриц.

Рабочие с любопытством ждут, что будет дальше.

Арчибальд оглядывается, будто что-то ищет, подходит к бараку строителей и садится на крышу, как на скамейку.

Бригадир Пауль подскакивает к великану и, возбужденно размахивая руками, кричит:

— Ты же раздавишь наш барак! Не шевелись, Арчибальд, иначе все рухнет!

С тревогой посмотрев на скрипящие стенки деревянного барака, Пауль обводит глазами строительную площадку. Машины неподвижно стоят, строители не работают. Все с любопытством разглядывают великана. Первым приходит в себя Карл. Он поправляет шляпу, поднимается в кабину своего автокрана и запускает мотор.

— Что будем делать с великаном? — озабоченно спрашивает Пауль. — Время идет, а работа стоит. Так мы не построим дорогу в срок.

— Сами виноваты! — говорит добродушный Фриц. — Мы его разбудили, вот он к нам и явился.

— Как же ему вести себя на нашей стройке, если он столько лет проспал?

К баракам подъехал Карл на своем автокране. Что он задумал?

Тяжелый крюк подъемного крана медленно опускается и цепляет великана за кожаный пояс. Карл переводит рычаг, мотор рычит еще громче. Арчибальд поднимается вверх и медленно плывет по воздуху в сторону, подальше от крыши.

С такой могучей силой Арчибальд еще никогда не встречался. Он всегда был уверен, что сильнее его нет никого на свете. Разве не он однажды помог мельнику и вертел крылья мельницы, когда не было ветра? В его руках сломалось тогда несколько досок.

А сейчас Арчибальд беспомощно размахивает огромными руками и ногами. Его борода развевается на ветру.

Фриц беспокойно переступает с ноги на ногу и говорит:

— Арчибальду там, наверху, плохо. Может, у него голова кружится? А что, если он схватит насморк?

Бригадир Пауль взбирается на крышу автокрана, чтобы Арчибальд его лучше слышал.

— Ты не хотел бы нам помочь? — спрашивает он.

Арчибальду было бы лучше спуститься на землю и вернуться в свою пещеру. Но, если его снимут с крюка (только побыстрее!), он с удовольствием поможет строителям. Он и раньше нередко помогал людям.

Однажды снегом занесло целую деревню, Арчибальд откопал ее. Откопал, и ничего особенного не приключилось. Если не считать, конечно, трех окон,

2*

которые он нечаянно выдавил, и одного деревянного моста, который рухнул под его тяжестью. Вот и все! А теперь... Ах как больно вдавился в живот кожаный пояс!

Карл опускает Арчибальда на землю. Он, конечно, мог бы ему сказать: "Извини, что я поднял тебя в воздух". Но Карл не любит много говорить, и поэтому он только улыбается и прикладывает два пальца к шляпе:

— Привет!

Арчибальд поправляет пояс, разглаживает бороду. Он готов сразу же приступить к работе. Сначала он собирается вырвать с корнем большое дерево, но Пауль останавливает его:

— Оставь эту красивую елку, Арчибальд! Пусть растет, она нашей дороге не мешает!

Карл, Фриц и все другие строители принимаются за работу. Пауль показывает на взорванные глыбы и просит Арчибальда сдвинуть их в сторону, чтобы бульдозер мог работать в другом месте.

Арчибальд берет один камень — огромный, как шкаф, — и легко отбрасывает его в сторону. Камень падает рядом с бараком, прямо на баки с обедом для рабочих. На площадке пахнет жареной колбасой и тушеной капустой; аппетитный соус стекает в песок.

Рабочие прячутся за машинами, закрываются лопатами, чтобы защититься, если Арчибальд опять бросит камень.

Напуганный и немного смущенный Пауль говорит:

— Я, конечно, сам виноват. Надо было ему объяснить, что он должен делать.

Он показывает великану, куда нужно относить камни, и вскоре там вырастает огромная груда камней. В своем усердии Арчибальд заодно с камнями уложил туда и две бочки с бензином. Несмотря на это, Пауль хвалит его:

— Очень старательный ученик!

— И такой большой и сильный, каких мы в жизни не видали, — смеясь, соглашаются с бригадиром рабочие.

Тем временем Карл со своим автокраном застрял в лесной трясине и не может двинуться ни назад, ни вперед.

— Ты не можешь мне помочь, Арчибальд? — спрашивает расстроенный Карл.

Арчибальд, конечно, может. Это для него совсем не трудно. Однажды он вытащил из трясины телегу с дровами. Лошади не смогли ее вытащить.

Арчибальд подходит к автокрану, с опаской поглядывая на крюк. Мало ли что может случиться! Еще раз повиснуть в воздухе великан не желает.

Карл дает газ, мотор оглушительно ревет. Арчибальд хочет зажать уши руками, но руки ему нужны, чтобы толкать машину. Автокран, наконец, выбрался из трясины, и довольный Карл из кабины приветливо машет Арчибальду рукой. Великан, конечно, молодец. Он хорошо помог Карлу, но только раздавил у машины все фонари.

Несмотря на это, в благодарность за помощь, Карл дарит великану золотистое яблоко. Оно тут же, словно крошка песочного пирожного, исчезает во рту Арчибальда. Пауль достает из сумки два огромных бутерброда — два бутерброда дорожного строителя! Гоп! — и нет одного. Гоп! — и нет другого батона с колбасой. Фриц приносит полный термос кофе.

— Пей, Арчибальд, пожалуйста!

Одним глотком великан выпивает весь кофе.

Благодарными глазами Арчибальд смотрит на строителей.

— У меня тоже есть кое-что для вас.

Из кармана широченных штанов он достаёт гигантскую пригоршню орехов. И хотя среди орехов ползают муравьи, рабочие с улыбкой принимают подарок добродушного Арчибальда.

Пауль велит строителям продолжать работу.

Арчибальд уже украдкой посматривает на свою пещеру. Но тут подходит машина с цементом, и ее надо разгрузить. Арчибальд и с этой работой быстро справляется. Последние мешки с цементом он берет все сразу. В его сильных руках мешки рвутся, и в одно мгновение великана и всех стоящих рядом с ним рабочих заволакивает густое облако серой цементной пыли.

Арчибальд пыхтит, протирая глаза, его борода стала серой от пыли. Фриц

кашляет и роняет трубку в ведро с водой.

— Думаешь, если есть сила, ума не надо? — с досадой говорит Пауль Арчибальду. — Головой надо работать!

— Головой?

Арчибальд кладет себе на голову разорванный мешок.

— Да нет же, Арчибальд! Головой надо думать. Думать головой, чтобы правильно работать руками.

Но думать Арчибальду никогда не приходилось. Он всегда был самым сильным и гордился этим. Он считал, что самое главное — сила. И только здесь, у строителей, он понял, что это совсем не так.

Они без особых усилий откололи от скалы огромную глыбу и раздробили ее на мелкие камешки. С такой работой Арчибальду, конечно, не справиться. На его глазах бульдозер катит перед собой целую гору земли. Даже если бы Арчибальд был таким же сильным, как бульдозер, его руки не годились бы для такой работы. Они слишком малы! Но разве смог бы он так разровнять землю, сделать ее такой гладкой? Гладкой, как стол! Вот Карл своим краном легко сгружает с машины тяжеленные бетонные плиты. У крана такая силища, что он без труда поднял его, великана Арчибальда, высоко в воздух.

Сам того не замечая, Арчибальд начинает понемногу думать. Он думает о том, что люди смогут обойтись и без его силы. Без него они построят дорогу даже быстрее. Зачем же мешать людям? Пусть строят!

Он машет рабочим рукой и поднимается в свою пещеру. Все дружески помахивают ему вслед.

— Приятного покоя! — кричит ему обычно молчаливый Карл.

Пауль сказал:

— Кто хорошо работает, должен хорошо поесть.

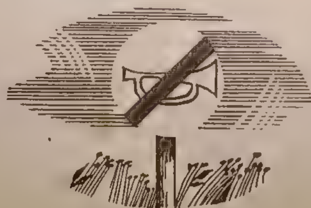
Когда Карл принес Арчибальду огромную коробку с едой, великан уже крепко спал и разбудить его было невозможно.

— Пусть спит. Поест, когда проснется, — говорит Фриц, раскуривая свою трубку.

Прошло некоторое время, и дорога была построена. Сейчас по ней торопливо катятся автомобили и мотоциклы. Некоторые водители удивляются: зачем на краю дороги установлен дорожный знак с перечеркнутым гудком? Это означает: подача звуковых сигналов запрещена. Желающий узнать причину такого запрета может проехать на стоянку у подножия высокой горы. Там на табличке он прочитает: "На этой горе в пещере спит великан Арчибальд. Он помогал строить дорогу. Соблюдайте тишину, не беспокойте его!"

А кто полюбопытнее, пусть поднимется на гору, к пещере. Если ему посчастливится, он услышит довольный храп Арчибальда, храп иногда доносится из пещеры, прикрытой камнем.

Ну а почему пришлось заделывать ямки в бетонном покрытии дороги, ямки, похожие на следы огромных сапог, об этом могут рассказать только Пауль, Фриц, Карл и другие дорожные строители.

Гюнтер Хессе

Буровой мастер Бенно

Мальчик Бенно живет в очень большом доме, в очень большом городе. Рядом с домом находится его школа — Бенно уже учится в первом классе.

Однажды к дому подошел тягач и притащил на буксире зелёный вагончик с окошком, завешенным цветастой занавеской. Четыре человека стали сразу же разгружать прицеп. Бенно внимательно наблюдал за их работой. Когда все было установлено и соединено, затарахтел мотор. Один из рабочих нажал на рычаг, и большая железная труба легко соскользнула на землю. Мальчику самому хотелось бы нажать на рычаг, но для этого он был слишком мал.

Один из рабочих сказал:

— Все в порядке!

Бенно совсем тихо повторил:

— Все в порядке!

Трое рабочих попрощались за руку с четвертым и на тягаче куда-то уехали. А один рабочий — это был Макс — вместе с зеленым вагончиком остался.

Он был в черной майке, а на голове — белая каска. Когда Макс завтракал, он снимал каску, садился на подножку зеленого вагончика и большим перочинным ножом накалывал толстые куски колбасы. В конце завтрака он залпом выпивал бутылку молока и продолжал работать. Бенно стоял в нескольких шагах от вагончика и наблюдал издали за Максом.

На следующий день Бенно подошёл ближе и тихо проговорил:

— Меня зовут Бенно.

— А меня — Макс, — сказал рабочий и протянул мальчику кусок колбасы на ноже.

— Ты здесь работаешь один? — спросил Бенно.

— Двоим здесь делать нечего.

— А что ты делаешь? — поинтересовался Бенно.

— Бурю воду.

Бенно засмеялся.

— Зачем? У нас дома есть вода. Принести?

Макс хотел выпить молока, взял бутылку, но тут же поставил ее обратно.

— Что ты будешь делать, — серьезно спросил Макс, — если, к примеру, у вас лопнет труба и воды не станет?

— Буду пить лимонад.

— Лимонад будешь пить? А мыться чем будешь?

— Мыться совсем не буду, — сказал Бенно и почесал у себя за ухом.

Так он делал всегда, когда приходилось о чём-нибудь думать.

Макс снова нажал на рычаг, и труба скользнула вниз. Когда он при помощи лебёдки поднимал трубу наверх, из нее выпадал мокрый песок.

Скоро труба совсем исчезла в земле. Через строительную площадку, покрытую мокрым песком, шла из магазина пожилая женщина. На двухколесной тележке она катила туго набитую сумку, а в руке несла еще какую-то коробку. Колеса ее тележки застряли в песке.

— Я бы этого не разрешил, — сказал Бенно Максу. — Вход на строи-

[illegible] площадку должен быть воспрещен!

Макс ничего не ответил. Он молча пошел навстречу пожилой женщине, взял у нее тележку с полной сумкой и легко, как будто тележка была совсем невесомая, перенес ее на тротуар.

Женщина поблагодарила его, но Макс замахал рукой: "Не стоит благодарности",— и с широкой улыбкой на лице стал катать тележку взад и вперёд.

— Мне бы не следовало идти напрямик, — сказала женщина.

На следующий день Бенно пришел со своим велосипедом.

Макс спросил:

— Почему не катаешься?

— А! Машина — старье, — ответил Бенно. — Цепь все время соскакивает.

В перерыве Макс сказал:

— Покажи-ка свою машину.

Он внимательно осмотрел велосипед.

— Заднее колесо болтается, — сказал он. — Люфт. Надо подтянуть гайки.

— Помоги мне, пожалуйста, — попросил Бенно.

— С удовольствием.

Через несколько дней в трубе было уже больше воды, чем песка. Но, когда Бенно с красным от волнения лицом прибежал к Максу, труба и машина с рычагом его не интересовали.

— Макс! — кричал он. — Нас затопило! Не могу закрыть кран на кухне. Вода льет и льет. Не могу остановить.

— Так, — проговорил Макс и выключил мотор лебедки. — Родителей нет дома?

— Они на работе: папа в школе, а мама на фабрике.

— Пойдем посмотрим, — сказал Макс.

Он взял из зеленой будки инструмент и размашистым шагом пошел за Бенно. Тот почти бежал впереди и постоянно оборачивался.

Макс перекрыл в подвале главный кран и отремонтировал уплотнитель на кухне.

— Так, — проговорил Макс. Он открыл главный кран. — Видишь? Все в порядке. Когда отключают воду, нужно иметь либо колодец, либо мощный насос.

— Ты, Макс, наверно, всё умеешь? — спросил восхищенный Бенно.

— Людей, которые всё умеют, не бывает, — ответил Макс.

— А что ты не умеешь?

— Доить коров.

— Почему? — поинтересовался Бенно.

— Чему не учился, то и не умею, — сказал Макс.

— Вот и неправда. А есть и пить — этому ты разве учился?

— Всему надо учиться. Спроси у мамы.

Работа с толстой трубой окончилась, и Макс начал опускать в скважину длинные тонкие трубы и соединять их между собой. Он кончил эту работу только тогда, когда из-под земли выглянул небольшой конец трубы. Макс потер руки, снял белую каску и, довольный, сказал:

— Вот и все!

Вечером к Максу пришел папа мальчика Бенно.

— Большое вам спасибо за помощь. Бенно обо всем рассказал.

— Пустяки! Не стоит благодарности.

На следующий день, когда Бенно прибежал к зеленому вагончику, там были и другие рабочие. Они привезли большой насос и сейчас присоединяли его к торчащему из земли концу трубы. Вечером все было готово. Самый молодой из рабочих сказал Бенно:

— Это для того, чтобы у вас была вода, когда не будет воды.

Он засмеялся, а с ним засмеялись и другие рабочие. Макс подозвал Бенно.

— Можешь опробовать работу насоса.

Бенно нажал на кнопку, и прозрачная, прохладная вода полилась на землю. Через минуту на площадке образовалась огромная лужа.

— Хочешь стать буровым мастером? — спросил Макс.

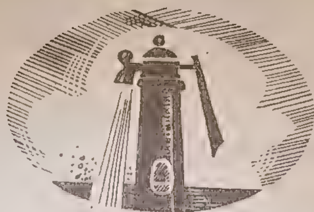
Бенно бросило в жар.

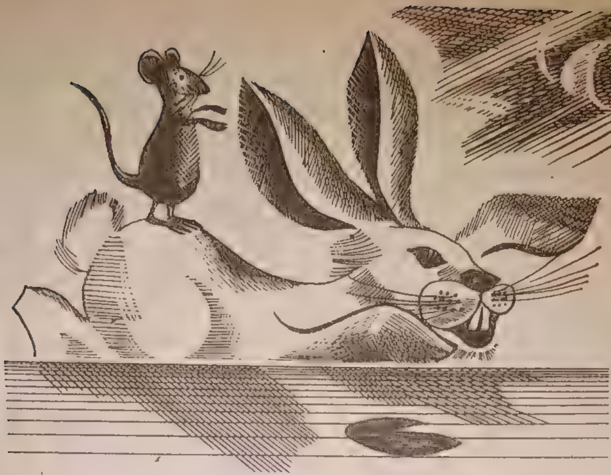
— Пока не знаю, — ответил мальчик и, делая ногой круги в луже, тихо

проговорил: — Но таким, как ты, я буду обязательно.

Макс взял Бенно за руку. Бенно понял, что это было прощание. Он выдернул руку и просто убежал. И только, когда он был уже в постели, разревелся.

На следующее утро зелёного вагончика на месте не было. Его куда-то увезли. Кто знает, где он теперь стоит? Вагончик зелёного цвета, с деревянной подножкой, с маленьким окошком, закрытым цветастой занавеской.

Герхарт Хальц-Баумерт

Зайчонок Пострелёнок

Зайчата были еще совсем маленькие. Они только что появились на свет. Мама-зайчиха посмотрела на них и вдруг испуганно отскочила назад.

— Что такое? — спросил ее удивленный папа-заяц.

— Один зайчонок зарычал!

— Не может быть, мама! Маленькие зайцы рычать не умеют.

Он наклонился над гнездом, чтобы успокоить зайчиху. Но и на него зарычал зайчонок.

— Что за нелепость! — сказал растерявшийся папа-заяц. — Это для меня ново.

Ворона, старый лесной врач, осмотрела рычащего зайчонка.

— Ничего не нахожу, — прокаркала она. — Крепкий, как кремень. Все у него в порядке.

— Поверьте моему слову, это добром не кончится, — крикнула белка с дерева.

— Ерунда, — сказал папа-заяц. — Зайчонок как зайчонок. Ничего особенного в нем нет. Только рычит немного... Назовем его Пострелёнком. Зайчонок Пострелёнок — звучит неплохо. Кстати, всех зайчат охотники называют пострелятами.

Другие дети заячьей семьи были нормальными зайчиками. Только рычащий Пострелёнок был какой-то особенный. Он дразнил своих братьев и сестер, дергал их за уши и любил играть с воробьями. Маме-зайчихе это не нравилось, потому что воробьи, как ей казалось, большие озорники.

Однажды Пострелёнок сильно напугал папу-зайца. Он спрятался за кустом и неожиданно зарычал на папу голосом деревенской собаки по имени Хасан. От испуга папа-заяц поднял уши вверх и едва не упал в обморок.

— Что за чепуха, — пробормотал испуганный папа, когда Пострелёнок, хихикая, выскочил из-за куста. — Что это за штучки! С ума сошел? Ты какой-то странный заяц. Слишком странный!

И если другие зайчата играли недалеко от дома, то Пострелёнок, как бродяжка, бегал по лесам и полям.

— Когда-нибудь тебя схватит ястреб, — говорили ему братья и сестры. — Сиди лучше дома.

Однажды ястреб выследил заячью семью и черной стрелой бросился на зайчат. Он, конечно, схватил бы какого-нибудь зайчонка. Но в этот миг Пострелёнок от страха и ярости закричал так громко, как трубит труба. С испугу ястреб улетел.

Папа-заяц решил о проделках Пострелёнка никому не рассказывать. Зайчонок умеет рычать, как собака, и кричать так громко, что его испугался сам ястреб?! Во всем лесу никто не поверит. Встревоженная мама-зайчиха снова побежала к доктору.

— Так-так-так, — в раздумье затакала ворона. — Говорите, он всё ещё какой-то дикий? Странно. Я пропишу ему морковку. Морковка поможет. Он будет совсем смирный и домашний.

— Но мы, доктор, каждый день едим морковку. И наш Пострелёнок тоже...

Ворона больше ничем помочь не могла.

Между тем Пострелёнок давно убежал на озеро. Он опустил лапу в воду. Вода была чистая и холодная. Зайчонок прыгнул в озеро и поплыл. Он плавал и нырял не хуже старой выдры.

— В жизни ничего подобного не видела, — удивлялась цапля. — Зайчонок плавает и ныряет? Невероятно!

Пострелёнку больше всего нравилось подплывать к сазанам, дремавшим в тихой воде, и внезапно набрасываться на них. К радости зайчонка, рыбы испуганно вскрикивали и рассыпались в разные стороны.

— Какое-то совсем незнакомое чудовище! — шептались укрывшиеся в камыше сазаны. — Настоящее чудо-юдо. Бедные мы, бедные рыбы!

— Пойдет в школу сын и сразу исправится, — успокаивал заяц-папа зайчиху-маму. — Вот увидишь.

— Хорошо, если это будет так, — со вздохом проговорила зайчиха-мама.

Наконец Пострелёнок пошел в школу. Его учительницей была чайка Эмма. Пострелёнок учился, в общем-то, неплохо. По кормоведению он всегда получал 28, оценку для зайцев хорошую. А по прятанию, по основному предмету, получал даже 92, высшую оценку.

И все-таки прилетела однажды чайка Эмма к родителям зайчонка и стала жаловаться:

— Ваш сын Пострелёнок ведет себя плохо. Так больше нельзя!

— Что он натворил? — предчувствуя недоброе, спросил заяц-папа.

— Что он натворил?! Ваш сын не соблюдает ни порядка, ни дисциплины. Часто смеется, и без какой-либо причины. Он даже дерется. Подумать только! Зайчонок — и дерется! Где это слыхано! Дерется даже со старшими. Вчера, например, на большой перемене подрался с дворником нашей школы, с котом. Разве так можно? Вообще-то класс зайчат у меня неплохой, даже очень милый, а класс мышат — просто прелесть. Мышата на уроках сидят так тихо, что я слышу, как летает пыль в солнечных лучах. Все ученики у меня хорошие, но ваш Пострелёнок!.. Никакие разговоры с ним не помогают, не знаю, что и делать.

— Попробуйте поговорить с ним еще раз, — попросила мать-зайчиха.

А когда чайка улетела, она сказала:

— Не знаю, папа, в кого он у нас такой. Во всяком случае не в меня.

Несколько дней Пострелёнок сидел дома тихо и был послушный, как паинька. Но потом снова начал вытворять, как говорили ёжики, "что-то уму непостижимое".

Все началось с лисы. Однажды Пострелёнок бежал по лесу и заметил лису. Что должен делать в таком случае обычный заяц? Конечно же, убегать что есть мочи. Но не таков зайчонок Пострелёнок. Пригибаясь в высокой траве, он пополз к лисе.

Плутовка тихо лежала и сосредоточенно смотрела перед собой. Пострелёнок поднял голову из травы и увидел своего двоюродного брата — кролика. Кролик лису не видел и, ничего не подозревая, скакал прямо на нее. Лиса не сводила глаз с кролика и, предвкушая удовольствие от вкусного завтрака, весело помахивала рыжим хвостом.

"Вот так так! — подумал Пострелёнок. — Сейчас моему братцу будет крышка".

Долго раздумывать Пострелёнок не стал. Он тихо подкрался к лисе и своими острыми зубами впился в кончик рыжего хвоста. Кончик хвоста у лисы — самое чувствительное место.

— Караул! — завопила от боли лиса и с воем пустилась наутек.

Весть об этом случае кролик разнес по всему лесу. Когда слух дошел до лисы, она оскорбилась и побежала жаловаться судье, старому лебедю.

— Ваша честь, — сказала лиса старому лебедю, — я обижена и оскорблена. Разве можно допустить, чтобы какой-то зайчонок кусал меня, лису, за хвост. Его дело — прилежно учиться и хорошо вести себя, а не кусаться. Я прошу, ваша честь, восстановить справедливость и порядок.

А вот еще одна история.

Несколько дней спустя в лес въехал автомобиль с людьми. С криком люди вышли из машины и расположились на поляне. Они топтали траву и цветы, сшибали самые красивые грибы, повсюду разбрасывали банки, бумагу, бутылки...

— Как нехорошо! — прошептали косули и большими прыжками ускакали в чащу.

Сидевший под кустом зайчонок Постреленок сильно рассердился на людей. Он свирепо зарычал, а шерсть у него на спине воинственно вздыбилась. Постреленок сорвался с места и с рычанием кинулся на людей.

— Вон из леса! Вон! — на бегу кричал зайчонок.

Люди увидели зверя, мчащегося на них в облаке пыли, и в испуге убежали.

— Ой-ой-ой! — кричали они. — Дикий кабан! Кабан!

Смрадное бензиновое облако повисло в воздухе и еще долго напоминало о людях. И так же долго ворчал разъяренный Постреленок.

Дикий кабан прибежал с жалобой к старому лебедю, к судье.

— Ваша честь, это же безобразие! — хрюкал кабан. — Люди должны бояться меня. Меня, а не какого-то зайчонка. Его надо строго наказать! Непременно!

Звери устроили собрание.

— Дело ясное, — ворчали кроты.

— Невероятно! — пронзительно кричала цапля. — Невероятно, но я своими глазами видела, как он распугал сазанов.

— Нельзя допускать, чтобы зайчонок плавал, как я, — сердито проговорила выдра и скрылась в волнах.

— Мы всегда говорили, что обыкновенные зайцы этого не делают, — ябедничали другие зайчата.

Деревенская собака Хасан пролаяла:

— Наказать! Наказать его! Да построже!

Старый ястреб прошипел:

— Шкуру с него содрать! Шкуру!

— Он же еще совсем маленький, — всхлипнула зайчиха-мама. — А вообще, он хороший.

Белка три раза пробежала вокруг ствола и сверху крикнула:

— А я всегда говорила: это добром не кончится.

Слова попросила чайка Эмма:

— Я должна сказать, что Постреленок, к сожалению, и в школе...

Она хотела еще многое сказать, но среди зверей вдруг поднялась паника.

— Тихо! Сидите спокойно! — кричала чайка Эмма, но ее никто не слушал.

Звери тревожно нюхали воздух. Пахло гарью. Пожар! Лесной пожар — самое страшное бедствие для зверей.

Поднялся невообразимый гвалт. Кто-то крикнул:

— Мы пропали!

И все завыли:

— Спасайся кто может!

Но как? Куда бежать? Звери метались из стороны в сторону — повсюду полыхал огонь.

И тут кто-то — может быть, белка, может быть, кабан, а может заяц — крикнул:

— Бежим к воде! К озеру!

Но и по пути к озеру зверей встретили ярко-красные языки пламени.

Первым пришел в себя зайчонок Постреленок. Не зря же он много раз играл в канаве, которую люди прорыли для осушения болота. Играть там ему не разрешалось, но он все-таки играл.

— За мной! К канаве! Налево! Все налево! — командовал Постреленок.

Сначала никто его не слушался. Но когда мама-зайчиха вместе со своими зайчатами с плачем и причитаниями отправилась следом за Постреленком, за нею устремились ежик и крот. Помчались косули. И мыши. И собака Хасан.

Позади всех, шлепая широко расставленными лапами, шел старый лебедь. А впереди шествовал Постреленок. По высокой траве, через теплые лужи он вел зверей к лесному озеру.

Когда звери, черные и мокрые, подошли к озеру, а белый лебедь стал больше похож на черного ворона, Постреленок рассмеялся.

— Как ты можешь смеяться в такое время? — сердито ворчал крот.— Огонь надвигается все ближе и ближе.

Надо переправиться на тот берег,— пробормотал кабан.— Там огонь нас никогда не достанет.

Кто умел летать, полетел через озеро. Кто умел плавать, поплыл.

— Мы плавать не умеем! — захныкали мыши.

— Я тоже, — промямлил крот.

— А я тем более, — жалобно простонала белка. Зайцы сбились в кучу и тихо плакали.

Постреленок решительно взял своих сестер и братьев за уши и поплыл с ними на другой берег.

Закрыв глаза и зажав лапой нос, мама-зайчиха прыгнула в воду и — смотрите, смотрите! — совсем неплохо поплыла.

— Нужда всему научит, — буркнул папа-заяц и кролем поплыл за зайчихой.

Зайчонок Постреленок вернулся, посадил мышей и крота себе на спину и поплыл с ними на спасительный берег. Потом он забрал и белку. Выдра высунула из воды голову и удивленно воскликнула:

— Вот так так!

Все звери были благополучно спасены. Никто не пострадал. Вот что было с зайчонком Постреленком.

— Собрание продолжается! — пронзительно крикнула цапля. Она любила наблюдать ссоры и споры.— Обсудим поведение зайчонка Постреленка.

— Отстаньте от него! — сказал кабан. — Пусть Постреленок будет таким, какой он есть. Лично я против него ничего не имею.

Кабан вывалялся в грязи и убежал в кусты.

— Собрание объявляю закрытым, — торжественно произнес лебедь.

По дороге домой зайчиха-мама сердито спросила Постреленка:

— Значит, ты все-таки играл в канаве? Я же не велела тебе туда ходить! Ну ребенок! Сплошные хлопоты!

— Перестань, мама, — остановил ее папа-заяц. — Оставь зайчонка в покое. Он у нас не такой уж и плохой.

Постреленок озорно блеснул глазами. Он вспомнил, что давно не был на озере и не гонял сазанов. "Наверстаю, — решил зайчонок. — Завтра как следует попугаю этих толстых рыб". Он хитро хихикнул.

На этот раз мама-зайчиха не сказала ему ни слова.

Ханнес Хюттнер

У пожарных кофе стынет

У пожарных полдник, они решили выпить кофейку.

— Боец Майер! — выкрикивает командир отделения пожарных Вассерхозе.

— Здесь! — отвечает боец пожарной охраны маленький Майер.

— Кофе вскипел?

— Так точно! — докладывает Майер.

— Тогда садитесь, ребята. Выпьем кофейку, — говорит командир, и пожарные усаживаются за деревянный стол. — У всех есть кружки?

— У всех! — кричат пожарные.

— Поднять кружки! — приказывает командир и считает: — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Порядок! Боец Майер, наливайте, пожалуйста.

Маленький Майер наливает, а другие пожарные отдыхают. Этот отдых они заслужили. Сегодня пожарные откачивали воду из подвала, тушили пожар в коровнике, только что помогли упавшей лошади встать на ноги.

— Ну как, ребята, у всех сегодня есть бутерброды? — спрашивает командир Вассерхозе. — Покажите-ка! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Боец Майер, где ваш бутерброд?

— Я его уже съел, — отвечает маленький Майер; он всегда бывает голоден.

— Гм, гм... — командир озадаченно смотрит на Майера. — Как же нам теперь быть?

Немного подумав, он говорит:

— В таком случае, Майер, возьмите мой бутерброд. Сегодня жена положила мне два бутерброда. Берите, пожалуйста, берите. А теперь, ребята, приятного аппетита.

— Приятного аппе... — не успевают ответить пожарные... В этот момент раздается телефонный звонок: дзынь-дзынь-дзынь!

Командир отделения снимает трубку.

— Пожарная команда слушает, — говорит он. — Что? Где? У бабушки Айершекке? На улице Кофейной? Хорошо, вызов принят! Выезжаем! Ребята, тревога! — Вассерхозе вскакивает и бежит к гладкому столбу. Мигом по столбу он спускается со второго этажа на первый.

Жжик — и он внизу. Другие пожарные спешат за ним. Жжик, жжик, жжик!

А внизу их уже ждет красный автомобиль. Каждый пожарный берет каску, противогаз, широкий пояс и усаживается на свое место в автомобиле. Машина срывается с места и мчится по городу. За рулем — сам командир отделения Вассерхозе. Тату-тата, тату-тата — сигналят пожарные. Машина мчится так быстро, что пожарным кажется, будто дома наклонились набок.

И вот пожарные на улице Кофейной. Из окна третьего этажа дома номер тринадцать валит густой дым. Перед домом толпятся люди. Они растерялись... Что

же делать? Но пожарные знают, что надо делать. Двое со шлангом бегут к гидранту. Гидрант — это такое устройство, под напором оно подает воду в пожарный рукав. Маленький Майер и еще один пожарный вбегают с рукавом в подъезд дома и быстро поднимаются по лестнице.

Ш-ш-ш-ш-ш... — шумит под напором вода и через дверь врывается в квартиру. Густой дым валит из квартиры, огонь сопротивляется, не хочет сдаваться. Но ловких и смелых пожарников ему не победить. Наконец огонь отступает, пожар потушили. У маленького Майера нос в саже, лоб покрыт крупными каплями пота.

Командир отделения Вассерхозе обращается к собравшимся у подъезда:

— А где же бабушка Айершекке? — спрашивает он.

Бабушка Айершекке стоит тут же, возле лестницы.

— Не знаю, как это случилось, — с дрожью в голосе говорит она. Я спускалась в подвал, а когда я вернулась... Когда я вернулась... вся комната была уже в огне.

— Гм... Скажите, бабушка, может, вы забыли закрыть печную дверцу? — спрашивает Вассерхозе. — Забыли?

— Нет, — отвечает бабушка, — не забыла.

— Ну что ж... Сейчас посмотрим. — Командир отделения вместе с бабушкой поднимается на третий этаж.

На третьем этаже сильно пахнет дымом. Оказывается, бабушка оставила печную дверцу открытой. Из печки выпал уголек. Сначала загорелся коврик, потом диван, потом гардины, потом...

— Моя милая комната, — всхлипывает бабушка, но, немного успокоившись, говорит: — Спасибо, что вовремя приехали. А то бы весь дом сгорел. Погоди минутку, мой хороший. У меня на кухне есть пирог с творогом. Заверну его тебе. У меня что-то аппетит пропал...

— Большое спасибо, бабушка, — говорит Вассерхозе. — Не беспокойтесь. Помогать людям — это наш долг, — он обращается к пожарным: — Ребята, у вас все готово? Садись!

Пожарные занимают свои места в машине и едут к себе.

Вот и пожарная часть. Они садятся за большой деревянный стол.

— Ну, ребята, теперь-то мы выпьем кофейку, — говорит командир отделения Вассерхозе. — У всех есть кружки?

— У всех! — громко отвечают пожарные.

— Поднять кружки! — приказывает командир и считает: — Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Стоп! Боец Майер! Что у вас в руке?

— Это? Это — пирог с творогом.

— Где вы взяли этот пирог?

— Пирог? Должно быть, мне сунула его в карман бабушка Айершекке...

— А где бутерброд, который дал вам я?

— Я его уже съел.

Вассерхозе смотрит на маленького Майера и укоризненно качает головой. Удивительно, как может человек всё время быть голодным!

— Ну, ребята, приятного аппетита! — говорит Вассерхозе.

— Приятного аппетита, — хором произносят пожарные.

И в этот момент раздается телефонный звонок: дзынь-дзынь-дзынь!

Командир отделения Вассерхозе снимает трубку.

— Что? Где? Маленький мальчик? Хорошо, вызов принят! Выезжаем! Ребята, тревога!

Пожарные кладут бутерброды на стол, опять бегут к гладкому столбу.

Жжик-жжик-жжик — и все внизу.

Вассерхозе садится за руль пожарного автомобиля и даёт полный газ.

Тату-тата... тату-тата — мчатся пожарные. На улицах все машины останавливаются, пропускают красный автомобиль. А люди спрашивают друг друга:

— Что случилось?

А случилось вот что. Маленький Эмиль Цанлюкке гулял в парке и подбежал к пруду. Пруд уже покрылся зеркальной ледяной коркой. Мальчик решил покататься. "Ребята удивятся, когда увидят, какой у меня каток!" — подумал Эмиль и выбежал на лёд. Он осторожно сделал один шаг, ещё один, ещё... Потом он разбежался и покатился по льду. Но вдруг раздался щелчок, и по

льду побежала трещина. Эмиль, конечно, испугался. Он хотел побежать обратно, но... Но лёд под ним снова хрустнул, и он оказался в ледяной воде.

На берегу собрался народ. Люди хотят помочь мальчику, но ведь взрослые намного тяжелее маленького Эмиля, и лёд под ними ломается у самого берега.

Эмиль окоченевшими пальцами судорожно цепляется за лёд, кричит от страха. Лёд под его пальцами обламывается, он окунается с головой, захлёбывается в холодной воде и снова пытается ухватиться за лёд.

И вдруг издалека раздается тату-тата. Это пожарные спешат на помощь. Все с облегчением вздыхают.

Командир отделения Вассерхозе пробует лёд.

— Боец Майер! Вы у нас самый лёгкий. Возьмите две приставные лестницы и ползите к мальчику!

Маленький Майер приносит из машины две короткие лестницы и спускает их на лед. Он прикрепляет к поясу конец верёвки, ложится сначала на одну лестницу, а другую выталкивает вперёд. Затем он осторожно переползает на другую лестницу. Так Майер быстро добирается до Эмиля. Мальчик цепляется за лёд и опять с головой уходит под воду. Но в этот момент пожарный Майер хватает Эмиля за воротник и втаскивает его на лестницу. Майеру нелегко: одежда Эмиля намокла, и он стал очень тяжёлым. Майер открепляет от пояса конец верёвки и привязывает его к лестницам. Пожарные тянут за верёвку, лестницы скользят, как санки, и Майер с Эмилем оказываются на берегу.

Эмиль весь дрожит, зуб на зуб не попадает. Пожарные закутывают его в толстое одеяло и везут беднягу в больницу. Тому, кто долго пробыл в ледяной воде, нужна срочная помощь доктора.

— Ну, ребята, — говорит командир отделения Вассерхозе, когда они вернулись в своё тёплое и уютное помещение, — с Эмилем Цанлюкке все в порядке. Теперь мы можем, наконец, выпить кофейку.

— Правильно! — кричат пожарные и садятся за длинный стол. Маленький Майер снимает кофейник с печки.

— У всех есть кружки? — спрашивает командир отделения. — Поднять кружки! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Порядок! У всех есть бутерброды? Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Боец Майер, откуда у вас бутерброд? Только что у вас был пирог с творогом.

— Пирог с творогом? — смущённо переспрашивает маленький Майер. — Пирог с творогом я уже съел. А бутерброд... Бутерброд принесла мне мама...

— Сколько же бутербродов вы съедаете в день? — спрашивает Вассерхозе.

— Не больше двенадцати, — отвечает маленький Майер.

— В жизни не встречал ничего подобного, — качает головой изумлённый командир. — Ну ладно. Приятного аппетита, ребята, — он кусает бутерброд и запивает глотком кофе.

И тут... И тут снова раздается телефонный звонок. Командир отделения снимает трубку.

— Ммгмм, — мычит Вассерхозе и быстро глотает. — Пожарная команда! Простите, не понял. Дерево? Кто кричит? Слоны? Хорошо, вызов принят. Выезжаем! — пожарным командует: — Встать! Тревога! Возьмём с собой подъёмный кран. По местам!

Внизу, рядом с пожарным автомобилем, стоит автокран. Жжик, жжик, жжик, — пожарные по гладкому столбу спускаются вниз и садятся в автомобиль. Следом ведёт автокран маленький Майер. Погода испортилась, стало темно, подул сильный ветер. Пожарные едут к зоопарку. Возле склада, где хранился корм для зверей, росла старая липа. Ствол ее прогнил изнутри. Конечно, никто этого заметить не мог. А липа уже давно размышляла, когда ей следует упасть. Три часа назад, когда подул сильный ветер, липа с треском рухнула на землю.

И теперь огромное дерево закрыло вход в склад. А там хранится сено для слонов, картофель для кабанов, дождевые черви для лягушек и мясо для тигров. Там же находится и кухня для зверей. Повар, который готовит еду зверям, стоит в белом колпаке перед входом и не может пройти на кухню.

А как же звери? Звери, конечно, беспокоятся. Они есть хотят...

Рабочие зоопарка пытались сдвинуть липу в сторону, но сил у них не хватило. Тогда директор и решил позвонить пожарным.

Маленький Майер подъезжает к огромной липе и с большим трудом оттаскивает её в сторону.

Теперь повар может попасть на свою кухню. Пожалуйста! Но он в растерянности стоит в дверях и повторяет:

— Ах ты наш хороший! Наш добрый Якоб!

Там, где упала липа, лежит расплющенная клетка. В ней жил ворон Якоб. Но клетка пустая. Неужели успел улететь?

— Ребята, — говорит командир отделения Вассерхозе. — Никто не видел ворона?

— Я видел, — отвечает маленький Майер. — Он сидит у меня в кабине.

— Принесите его, пожалуйста, сюда, — просит командир.

И действительно: маленький Майер приносит ворона!

— Боец Майер, как попала к вам эта птица? — спрашивает командир.

— Сижу в кабине и ем бутерброд, — рассказывает Майер. — Вдруг прилетает ко мне этот ворон и смотрит голодными глазами. Мне стало жалко его, и я поделил с ним бутерброд.

— Не верю! — удивляется Вассерхозе.— Такого быть не может!

Директор зоопарка благодарит пожарных.

— Не стоит благодарности, — отвечает командир отделения Вассерхозе. — Помогать людям и зверям — наш долг, — Вассерхозе подает команду: — Садись!

Повар уже на кухне. Он сажает Якоба в новую клетку.

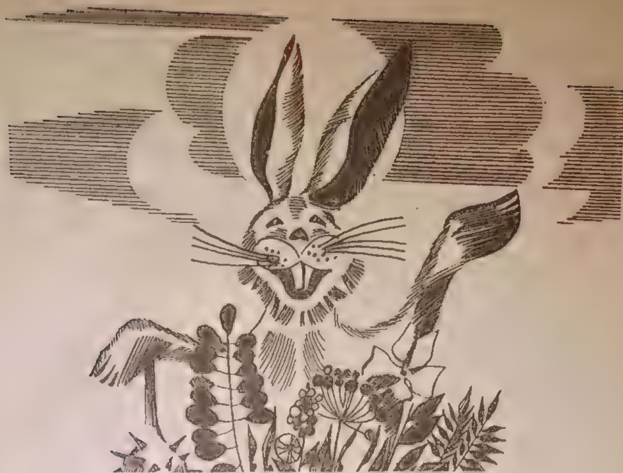
Пожарные возвращаются к себе в пожарную часть, снимают пояса и усаживаются за длинный стол. Майер снимает с печки кофейник. Все берут свои бутерброды...

И тут...

И тут наша история кончается.

Иначе снова зазвонит телефон!

Альфред Кённер

Заяц-разбойник

Венделин проснулся ранним утром. Он спрыгнул с постели и открыл окно. Его взгляд упал сначала на клумбу с белыми маргаритками, потом на огненно-красные розы, потом на колокольчики, растущие за забором, и на Маргариткину гору.

С Маргариткиной горы на... Нет, нет! Тут взгляд его остановился. На самой верхушке холма сидел заяц с ушами величиной с капустный лист.

И что самое удивительное, между заячьими ушами всходило солнце. Большое, круглое, ярко-жёлтое.

Венделин побежал к папе и стал его будить.

— Заяц схватил солнце ушами! — крикнул он.

— Не может быть, — сказал папа и тут же снова заснул.

— Без солнца не будет дня! — кричал Венделин папе прямо в ухо. — И полудня не будет, а значит, не будет обеда. А если обеда не будет, тогда и компота не будет!

Папа заморгал сонными глазами. Наконец, он поднялся и выглянул в окно.

Заяц по-прежнему сидел на холме и держал солнце между ушами.

— За солнце не бойся, — весело сказал папа. — Это только кажется, что заяц его держит. На самом деле заяц сидит на холме, а солнце поднимается позади него.

— Это правда? — недоверчиво спросил Венделин и наморщил лоб.

Тогда папа налил в стакан воды и поставил его на подоконник.

— Вот! Посмотри-ка в воду, — сказал папа.

Венделин посмотрел. Солнце блестело в воде, как прекрасный драгоценный камень.

— Здесь никто солнце не тронет, — сказал папа. — Даже вон тот заяц-разбойник. Теперь можешь и в окно не выглядывать. Солнце будет в стакане.

Венделин прыгнул под одеяло и стал рассматривать солнце в стакане с водой.

"Кажется, всё в порядке", — с облегчением подумал папа и натянул одеяло до самого носа.

Но тут надвинулось маленькое облачко, закрыло солнце, и сияние в стакане погасло.

— Солнце пропало! — встревожился Венделин и стащил с папы одеяло.

Папа тяжело вздохнул и нехотя поднялся с постели. Венделин и папа посмотрели на небо. Облачко уплыло.

Заяц всё ещё сидел на вершине холма и весело улыбался. А над его головой, как и прежде, висело солнце. Большое, круглое, ярко-жёлтое.

— Мы его сейчас спасём! — крикнул Венделин. — Поднимемся на гору и прогоним этого разбойника!

Он побежал к горе. В ночной рубашке, босиком.

"Небольшая прогулка не повредит", — подумал папа и пошёл за ним следом.

Они взбирались на гору почти совсем бесшумно. Недалеко от вершины, как индейцы, залегли под кустом. Венделин поднял комок земли, кинул им в зайца и — ура! — попал. Прямо под левую переднюю лапу. Зайцу стало щекотно, и он начал безудержно смеяться.

Уши его затряслись, и солнце на волосок оторвалось от него. Но тут заяц вдруг перестал смеяться, встал, застыл, как вкопанный, и устремил свой взор вдаль.

— Сейчас мы его напугаем, будь что будет! — решительно сказал папа. — Считаю до трёх. Когда скажу "три", мы на него набрасываемся. Ручаюсь, он не выдержит и даст тягу.

И вдруг они услышали чьё-то пение. А пела Карлиночка, младшая сестрёнка Венделина. Она незаметно выскользнула из дому и пошла за ними. По дороге она нарвала цветов: маргариток, роз и колокольчиков. В её руках была вся весна. Карлиночка пела:

Солнце, солнце, погоди,
На меня ты погляди!
Глазки у тебя какие?
Карие иль чёрные, красные, зелёные?
Или, может, голубые?

Заяц навострил уши: сперва левое, потом правое. Карлиночка пела так хорошо! Заслушавшись, заяц даже опустил левое ухо. А при последних словах песни он прижал к голове и правое.

И тогда солнце освободилось и повисло над зайцем. Большое, круглое, ярко-жёлтое. А когда песня кончилась, заяц благополучно ускакал.

— Ну вот и все, — с облегчением сказал папа. — Теперь пойдём-ка позавтракаем!

Но Венделин взобрался на вершину холма и, подняв руки к солнцу, сказал:

— Ты прав, папа! Схватить солнце заяц не может. Оно слишком высоко для него!

— И для таких карапузов, как ты! — крикнула Карлиночка и помахала солнцу рукой.

Солнце смотрело на горе-охотников и смеялось. А ещё оно смеялось потому, что от хорошей песни всегда весело.

Альфред Кённер

Три медвежонка

В одном из вольеров зоопарка сидели три медвежонка и рассматривали посетителей.

— Вон тот мне очень нравится, — проговорил первый медвежонок и показал на молодого человека с пышной бородой.

Подошли две девушки и начали хихикать.

— Ужасно! — сказал второй медвежонок. — Они даже не умеют рычать.

— Смотрите, смотрите! — закричал третий медвежонок.

В это время на лужайке играл малыш. Он подполз к цветку, чтобы сорвать его.

— Смотрите, совсем маленький, а уже умеет ходить на четвереньках!

В этот момент дверь скрипнула, и в вольер вошёл Пауль, смотритель за животными. Ему понадобились майские жуки для кур. Он стал трясти молодой каштан, стоявший посреди вольера, но деревце даже не пошевелилось.

— Поможем! — сказал первый медвежонок и направился к каштану. Он потряс деревце и нагнул его к себе.

Притопал второй медвежонок. Он обхватил первого медвежонка и изо всех сил начал тянуть. Приковылял на помощь и третий медвежонок.

Деревце клонилось всё ниже и ниже, и майские жуки посыпались на землю. Медвежата поднатужились и с корнем выдернули каштан из земли.

— Что такое? — удивился первый медвежонок.

— Что вы наделали! — сказал Пауль. — Вырвали дерево! — Он собрал жуков, принёс лопату, быстро поставил каштан на место и засыпал землёй.

— Для такого дела мы слишком сильные, — проворчали медвежата и лапами похлопали себя по бокам.

Пауль влез на дуб. Он собирался спилить сук, низко склонившийся к земле.

— Поможем! — опять крикнул первый медвежонок. Он взобрался на дерево и уселся на ветке. Но ветка даже не пошевелилась.

Подошёл второй медвежонок, залез на ветку и сел рядом. Ветка закачалась.

К двум медвежатам присоединился третий. Ветка опасно затрещала, но не обломилась.

— Вам помочь? — спросил комар.

— Не смеши! — крикнули ему три медвежонка и качнули ветку.

Комар подлетел и сел подальше от медвежат, на самый конец ветки. Раздался треск, и три медвежонка плюхнулись в траву.

— Слабаки вы, ребята, — крикнул им комар. — Я один справился с веткой.

— Неправда! — проворчали медвежата, почёсывая за ушами.

Вдруг медвежата услышали слабый писк. Из своего гнезда выпал маленький воробышек и беспомощно копошился на

земле. Вокруг птенца летали обеспокоенные папа и мама.

— Помогите, — кричала мама-воробьиха.

— Поможем, — сказал первый медвежонок.

Тихо, тихо, чтобы не испугать воробьёв, он подошёл к птенцу и осторожно поднял его. Медвежонок хотел посадить воробышка на место, но не дотянулся до гнезда.

Притопал второй медвежонок, и первый взобрался ему на спину, но не смог достать ветки, на которой было воробьиное гнездо.

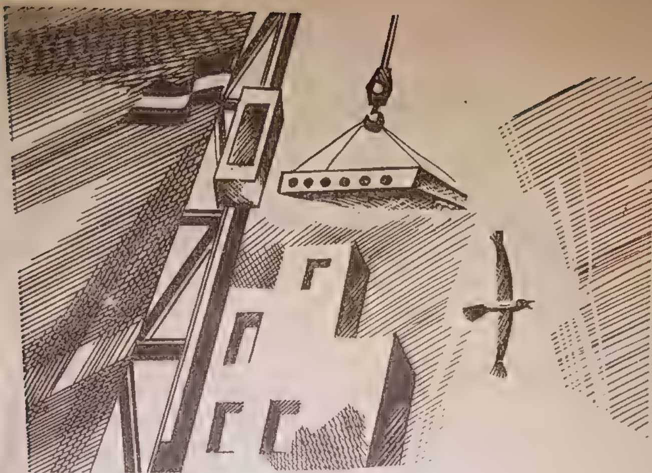
Приковылял на помощь третий медвежонок, и второй вскарабкался ему на спину.

Теперь первый медвежонок наконец дотянулся до ветки и положил воробышка в гнездо.

— Хорошо, что нас так много, — сказали довольные медвежата и улеглись в траву немножечко вздремнуть.

А воробьи чирикали от радости так громко, что слышно было за девяносто девятью деревьями зоопарка.

Хильтруд Линд

Великан по имени Эмиль

Каждый вечер, когда все в доме ложатся спать, маленький Арне воображает, будто он — курьерский поезд.

Поезд оглушительно гудит и громко стучит по рельсам, проносится мимо переездов или с грохотом мчится по мостам.

Все люди останавливаются и с восхищением говорят: "Смотрите, смотрите! Какой великолепный поезд этот Арне!"

А днём... Днём — увы — Арне не играет в поезд.

Днём он — тихий, робкий и, к сожалению, несколько медлительный мальчик.

Двигается Арне медленно-медленно. Даже медленнее, чем простой пассажирский поезд. Иногда он бывает грустным. Но всё-таки Арне очень хороший мальчик: он всегда стремится помочь маме.

Однажды мама сказала:

— Сегодня мы приготовим шпинат с яичками.

И тут же Арне предложил маме:

— Я схожу в магазин, куплю шпината и яичек.

Он с удовольствием идёт покупать шпинат, хотя больше любит манную кашу с компотом.

Особенно ему нравится делать покупки у фрау Хильдебранд. Арне считает, что она похожа на снеговика в очках. Фрау Хильдебранд круглая, рыхлая, в белоснежном халате. И колпак на ней тоже белоснежный. Фрау Хильдебранд продаёт сахар, молоко, муку, яйца и соль. Она торгует в магазине за углом.

Арне берёт маленькую корзинку и перекидывает через плечо свою вишнёво-красную сумку. Такую, как у кондукторов. Мама кладёт в сумку завёрнутые в бумажку деньги и записочку. В ней написано: "Шесть яиц".

— Ты сегодня нигде не застрянешь? — спрашивает она.

— Нет, мама. Сегодня не застряну, — обещает Арне.

Он спускается по лестнице.

На улице, у двери, греется на солнышке кошка Майеров.

— Киска? — Арне присаживается на корточки возле серой кошки и гладит её взъерошенную голову. Кошка довольно мурлычет.

Кошка Майеров мурлычет, а мальчику кажется, будто в животе у неё спрятан маленький мотор. Как у автоподъёмника.

— Всё ясно! Теперь я знаю, почему кошка так быстро бегает, — а кошке он говорит. — У меня, киска, совсем нет времени с тобой сидеть. Я бегу в магазин. Ты удивишься, когда увидишь, что я куплю. Яички — слышишь? — яички!

Арне горд и доволен тем, что мама доверила ему купить яички. Ведь они такие хрупкие. Их трудно донести до дома. Кошка вытягивает лапы, становится ещё длиннее и широко зевает, так,

что видны её острые зубы и розовый язык.

— Как нехорошо! — Арне сердится. — Когда зеваешь, прикрывай рот рукой! — поучает он. — У тебя нет рук? Значит — лапой.

Он оставляет кошку Майеров сидеть у двери, а сам с корзиночкой и сумкой бежит в магазин.

Арне пробежал три дома и видит: у четвёртого дома сидит на корточках длинный Фреди и чистит свой мотоцикл. Машина, покрытая красным лаком, блестит, как зеркало.

Понаблюдав минутку, как Фреди пыхтит и сопит, полируя свой мотоцикл, Арне робко спрашивает:

— Ты меня покатаешь?

— Потом, — отвечает Фреди. — Когда подрастёшь.

Арне встаёт и вытягивается как только может.

— А я уже не маленький. Я хожу в магазин за яичками, — с обидой говорит он и спохватывается: — Ну ладно. Кататься мне не хочется. Я спешу... До свидания, Фреди! — кричит он на ходу.

Арне бежит, даже не бежит, а мчится. Потому что сейчас он красный мотоцикл. Мотоцикл трещит и сигналит.

На огромной скорости он заворачивает за угол, резко тормозит и останавливается точно перед входом в магазин.

В магазине он снова маленький мальчик. Мальчик с голубыми глазами и светлой вихрастой головой.

Фрау Хильдебранд рада его приходу. С большой осторожностью она упаковывает яички, кладёт их в корзиночку Арне и предупреждает:

— Иди сразу же домой! Слышишь?

Она знает своего маленького друга. Арне говорит ей "до свидания" и послушно идёт домой.

Он заворачивает за угол и выходит на свою улицу, тихую и пустынную. На улице, залитой солнцем, нет никого — ни Фреди с мотоциклом, ни кошки. Арне делает один шажок, другой, третий... Он глядит налево, направо. Никого нет.

Арне осторожно взбирается на каменную ограду палисадника и воображает себя смельчаком, который переправляется через бурный поток. Он идёт по узкому мосту. Без перил! Доходит до середины моста, и — ой! — неожиданно появляется дядюшка Хайде.

— Ты что, негодник! — сердито кричит он. — Свалиться захотел?!

Дядюшка Хайде — дворник. Он поддерживает порядок во дворе и на улице возле дома. Откуда ему знать, что ограда для Арне — мост через бушующую реку.

Арне быстро спрыгивает с ограды и с перепугу бежит. Бежит до самой стройки, где два экскаватора оставили после себя огромный котлован.

Сейчас котлован пустой, и смотреть в него обычными глазами, конечно же, скучно. Но у Арне необычные глаза. В бурной яме они видят столы, стульчики, разные игрушки.

Арне знает: здесь строится высотный дом, а на первом этаже этого дома разместится новый детский сад.

А сейчас... Ой-ой-ой! Что за великан появился тут, на стройке?

Широко расставив ноги, он поднялся почти до облаков. Одну руку великан протянул в сторону, а другую — далеко вперёд. На голове — стальная шапка с красными лампочками. Вид у великана очень удалой и грозный. Арне обнаружил даже сердце у великана. В сердце сидит человек в синем комбинезоне. Не отрывая глаз, Арне наблюдает, как великан отводит свою длинную руку в сторону, а на ней, как рыбка на удочке, висит целая стена с двумя окнами. Хор строительных рабочих кричит: "Готово, Эмиль!"

Глухо урча, великан проносит над крышами домов огромную стену и осторожно кладёт её на нужное место, так, будто это не тяжеленная бетонная стена, а лёгонькая корзиночка с яичками. Вот это чудо! Вот это великан! Великан по имени Эмиль! Арне даже подпрыгнул от восторга.

Он вытягивает руку с корзиночкой и начинает кружиться, как карусель. Эта игра забавляет его. Только яйцам в корзинке она не очень нравится.

Карусель нечаянно наталкивается на фонарный столб. Яички, конечно, сердятся, тихо говорят "хруп", а из корзинки начинает что-то капать.

Ох! Какая досада! Арне сокрушённо смотрит на землю. Из его глаз тоже на-

чинает капать. Но не долго.

Чей-то огромный палец касается его подбородка. Арне медленно поднимает голову. Перед ним стоит коренастый дядя в синем комбинезоне. Тот самый, что сидел в кабине наверху, в сердце великана. На голове у него какая-то странная шляпа. Из-под шляпы на Арне смотрят весёлые глаза.

— Что с тобой, воробей? — сочувственно улыбаясь, спрашивает рабочий.

Арне протягивает ему корзиночку и жалобно говорит:

— Меня зовут Арне.

— Очень приятно! Очень! — Рабочий в комбинезоне снимает шляпу, из-под неё показываются взъерошенные волосы. — А меня зовут Эмиль.

— И великана так зовут! — вскрикивает Арне и перестаёт плакать.

— Великана? А-а! Ты имеешь в виду наш башенный кран? Да, это действительно великан. Эмиль Великий!

Арне смотрит на Эмиля Великого и его охватывает ужас.

— Смотрите, смотрите! — испуганно шепчет мальчик. — Он совсем не двигается...

— Да, конечно, — спокойно говорит рабочий в синем комбинезоне. — Хоть он и великан, но без человека двигаться не может. Чтобы заставить его работать, нужен крановщик. Крановщика великан слушается беспрекословно.

Арне удивлён. Как же так? По сравнению с высоченным краном человек, которого зовут Эмилем, кажется воробьём. И всё-таки такой гигант, как Эмиль Великий, его слушается... Да-а... Интересно получается. Значит, настоящий великан — Эмиль Маленький.

— Ты будешь ещё подниматься туда, наверх? — робко спрашивает Арне.

— Конечно.

— И заставишь Эмиля Великого работать?

— Разумеется!

— Когда? — спрашивает мальчик.

— Сразу же после завтрака, — отвечает рабочий. — Мы торопимся. Хотим закончить этот дом побыстрее. Чтобы ты пораньше мог пойти в новый детский сад.

— Это очень хорошо. Спасибо, — благодарит Арне. И с грустью добавляет: — А я почти нечего не могу делать быстро. У меня не получается, — мальчик вздыхает. — Ведь я — Арне Медлительный.

Вдруг Арне вспоминает о мамином поручении. Он представляет, как мама расстроится, когда увидит его корзиночку с разбитыми яичками. Он снова начинает всхлипывать. Крановщик как заботливая няня нежно вытирает ему слёзы. Большим зелёным носовым платком. Платком настоящего великана.

— Не расстраивайся, воробей. Спешить ты ещё научишься, — утешает он Арне и заглядывает в корзиночку.

Крановщик видит: одно яичко треснуло. Но это не беда — из него может получиться неплохая глазунья. А вот другое. Другое яичко безнадёжно разбито, и спасти его никак невозможно.

— Ну, этот случай нужно сначала обмыть, — говорит Эмиль.

Арне не понимает, как можно "обмыть случай"? Может, у Эмиля где-нибудь спрятан кувшин с водой?

Крановщик берёт Арне за руку. Они идут в магазин и покупают две бутылки молока. Одну получает Арне.

— Будь здоров, воробей! — говорит Эмиль. Они пьют молоко, "обмывают случай". Молоко свежее, вкусное.

— Теперь дайте нам, пожалуйста, одно хорошенькое, беленькое яичко, — просит Эмиль фрау Хильдебранд и подмигивает ей.

И тут же в корзиночке Арне появляется новое яичко. Теперь всё в порядке. Арне сияет.

Эмиль сажает мальчика на плечи, и они отправляются домой.

По пути они встретили дядюшку Хайде. Он громко ругается на маленьких озорников. Они играют в альпинистов на каменной ограде палисадника. Но с Эмилем Арне не боится никого, даже дядюшку Хайде. Арне рад, что у него такой друг.

— Ты лучше, намного лучше дядюшки Хайде, — шепчет он ему на ухо. — Дядюшка Хайде злой.

— Знаешь что, воробей, — говорит крановщик. — Мне кажется, дядюшка Хайде забыл кое-что очень важное. Он забыл, что когда-то и

сам был маленьким мальчиком. Правда, это было очень давно. Может, поэтому и забыл.

Они подходят к дому , где живёт Арне. Арне-воробей спрыгивает на землю, дружески трясёт руку своего доброго друга и говорит:

— Большое спасибо!

Теперь каждое утро Арне с постели бежит к окну и смотрит на стройку. Он удивляется, как быстро растёт высотный дом.

— Вот так! — говорит ему мама и пальцем, как кнопку, слегка нажимает кончик его носа. — Как хорошо, что твой друг Эмиль работает так быстро. А если б он был таким медлительным, как ты. Что тогда?!

Арне про себя решает исправиться.

Но вот однажды он берёт корзиночку, сумку и отправляется за покупками в магазин.

Мама долго ждёт его дома. А он в это время стоит посреди лужи и смотрит на великана. Хорошо, если б крановщик спустился на завтрак! Во время работы он не может увидеть маленького Арне, стоящего в луже.

Но крановщик не спустился. Пришла мама и увела Арне.

Дома мама сняла с него мокрые ботинки и чулки. Ноги Арне ледяные, а лоб и щёки горячие, как печка. Мама укладывает его в постель и даёт горячего чаю с малиновым вареньем.

"Только б не узнал об этом мой новый друг", — говорит про себя Арне, и ему становится стыдно.

Наконец он засыпает. Посреди ночи Арне слышит что-то странное.

— Эй, воробей!

Арне открывает глаза и видит: великан стоит у окна и заглядывает в комнату. Но какой у него вид! Он весь, с ног до головы, — красный. Зажжены обе лампочки. Это для того, чтобы какой-нибудь самолёт в темноте не натолкнулся на его стальную шапку. Великан спрашивает басом:

— Ну, воробей, хочешь поехать со мной?

— Да, да! Конечно! — Он всегда хотел пронестись над крышами.

— Поднимайся, пожалуйста! — зовёт Эмиль Великий.

И вот Арне уже сидит в корзинке и покачивается на руке великана. А вверху, в кабине, лежит его друг, крановщик Эмиль. Он укрыт тёплым одеялом и спит.

— Не будем ему мешать, — шепчет великан. — Пусть отдыхает. Он честно заслужил этот отдых. Я хочу сейчас делать всё, что пожелаю.

— А это можно без крановщика? — спрашивает Арне.

— Ночью всё можно! — говорит кран.

Он вдруг весь, сверху донизу, становится зелёным, как лягушка.

И тут начинается восхитительный полёт. Прекраснее и приятнее, чем на самой лучшей карусели. Все печные трубы вывешивают белые флажки из дыма. Наверху по чёрному, как уголь, небу катается круглая луна и разбрасывает миллионы мерцающих брызг. А совсем внизу, на улице, в коротких штанишках прыгает дядюшка Хайде и весело поёт: "Я — маленький мальчик! Ура-а". Он вдруг взбирается на ограду палисадника и начинает легко балансировать на ней. Ну и чудеса!

В раскачивающейся корзине Арне чувствует себя совершенно счастливым. И вдруг до его слуха доносится что-то неприятное, противное.

— Арне Медлительный... Арне Медлительный... — мяукает кто-то.

Кто это? Ну, конечно, это кошка Майеров. Кто же ещё! Она сидит на крыше и мяукает.

— Замолчи, мышиное страшилище! — рычит Эмиль Великий, который теперь стал жёлтым, как лимон. Может быть, от того, что сердится на кошку. — Послушай ты, длиннохвостая! У Арне и у меня есть один секрет. Мы решили всегда всё делать быстро. Правильно я говорю, воробей? Чтобы нам не было стыдно перед нашим другом, крановщиком Эмилем. Правильно я говорю, воробей?

— Правильно, — отвечает Арне и с улыбкой засыпает. А утром... Утром он просыпается совсем здоровым.

Вы обязательно встретите малень-

кого мальчика с голубыми глазами и светлой вихрастой головой, в руках у него корзиночка, а через плечо перекинута кондукторская сумка. Если он засмотрится на небо, на деревья или на кошку, напомните ему, пожалуйста, об Эмиле, крановщике, который строил его детский сад. И вы увидите: маленький мальчик сразу станет быстрым, как курьерский поезд.

Даже днём.

Бенно Плудра

Хайнер и его петушки

У Хайнера живут три петушка. Они ещё совсем маленькие, даже нет настоящих гребешков, но пёрышки уже пёстрые.

Петушки спят в зелёном домике. Он стоит на четырёх столбиках позади конюшни, в старом саду.

Пол в домике посыпан мелким белым песком. Песок должен быть всегда чистым. Хайнер пообещал петушкам, что будет менять песок, как только они попросят.

Хайнеру четыре года. Говорят, он такой же маленький, как и его петушки. Но это неправда. Он больше своих петушков по крайней мере раз в пять. Пшеничные вихры Хайнера торчат в разные стороны, как иголки у ёжика.

Однажды утром петушки говорят ему:

— Хайнер, нам нужен свежий песок.

Хайнер берёт своё красное ведёрко, мамину садовую лопатку и бежит к морю. На море — самый лучший песок, какой любят петушки. Белый и мягкий.

Хайнер подходит к морю и видит: по берегу на длинных, тонких, как спички, ножках бегает зуёк. Зуёк — это небольшая птица. Хайнер загляделся на неё и забыл о своих петушках.

— Что ты там делаешь? — спрашивает он птицу.

— Пью солнечные капли,— отвечает зуёк.

— Я тоже хочу! — кричит Хайнер.

Он бросает ведёрко и лопатку и бежит к птице. Хайнер старается не отставать от зуйка, быстро бежит по берегу. Но птица оказывается намного быстрее и проворнее его. Ему надоедает эта игра, он вспоминает о своих петушках и говорит зуйку:

— Тебе хорошо. Ты в любой день можешь бегать сколько хочешь. А я не могу. Мне часто приходится носить песок петушкам. Я пойду!

Но не успел он пробежать и ста шагов, как увидел на воде чайку. Гордо подняв клюв, легко и весело скользит она по волнам. Хайнер загляделся на чайку и опять забыл о своих петушках.

— Эй, чайка! Что ты там делаешь?

— Плаваю, — отвечает чайка.

— Я тоже хочу! — кричит Хайнер.

Ведёрко и лопатку, рубашку и трусики он оставляет на берегу и бежит в воду.

Хайнер выбрасывает вперёд руки, весь вытягивается в струнку. Он хочет, как чайка, легко и весело скользить по волнам. Но волна захлёстывает его с головой. Он сердится и кричит чайке:

— Тебе хорошо. Ты каждый день можешь плавать сколько хочешь. А я не могу. Мне часто приходится носить песок петушкам. Я пойду!

С ведёрком и лопаткой бежит он дальше и через сто шагов видит бабочку. Жёлтую, как лимон. Бабочка порхает перед носом Хайнера, он в третий раз

забывает о своих петушках.

Он бегает за бабочкой, хочет её поймать. Бабочка то взлетает вверх, то опускается до самой земли, ищет защиты у цветов, скрывается в кустах дикой малины. Но Хайнер везде её находит, и весёлая погоня продолжается. Вихрастая голова Хайнера становится всё меньше и меньше и, наконец, кажется совсем маленькой, как белый помпон одуванчика.

А дома, в старом саду, петушки занимаются своим обычным делом.

Они клюют зёрнышки, копают в мягкой земле червячков и, поднимая клювы после каждого глотка, пьют воду из утиного корыта.

Потом они либо воюют друг с другом, либо смело бросаются на толстых мух, облепивших нагретую солнцем стену конюшни. Так проходит день и наступает вечер.

Уставшее за день солнце говорит петушкам, всем птицам и зверям: "Спать пора!" — и красным шаром медленно садится по ту сторону моря.

Петушки бегут к своему домику. И что же они видят? Песок не сменён, и нет никаких следов Хайнера. Петушки в недоумении стоят перед своим домиком. Они переглядываются, наклоняют головы и думают.

Почему не сменён песок?

Почему до сих пор не вернулся Хайнер?

Где он?

— Может, он заблудился? — говорит первый петушок.

— А может, он ищет какой-то особенный песок? — говорит второй.

Третий петушок молчит. Наконец, он робко произносит:

— А что если его унес большой и злой ястреб?

Большой и злой ястреб — самый опасный враг петушков. Они его очень боятся. Обычно, как только начинается разговор о ястребе, им становится страшно. И петушки спешат укрыться под крышей своего домика.

Но сейчас им не до этого! Они ничего не боятся и говорят:

— Мы должны найти Хайнера!

Они покажут всем, на что способны храбрые петушки.

Встряхнув перья и выпятив грудь, они устремляются вперёд. На поиски Хайнера, к морю!

На берегу моря им повстречался зуёк. Петушки спросили, не видел ли он Хайнера.

— Хайнера? Он уже давно ушёл. Но куда, не знаю, — отвечает зуёк. Он смотрит на растерянных и огорчённых петушков, потом говорит: "Хорошо. Я пойду с вами и помогу искать его. Я знаю здесь каждый камешек и каждый кустик".

Они идут на поиски уже вчетвером. Вскоре им повстречалась чайка, и они спросили её:

— Не видела ли ты Хайнера?

— Хайнера? Он уже давно ушёл. Но куда, не знаю, — ответила чайка.

Она поднимается в воздух и кричит:

— Я полечу вперёд и помогу искать его. Мне сверху виднее.

Они ищут Хайнера уже впятером.

Высоко в небе кружит чайка. Вдоль берега низко над землёй летит зуёк. А по земле идут петушки и уже в сотый раз спрашивают своих новых друзей:

— Ничего не видно?

И каждый раз зуёк и чайка отвечают:

— Не видно ничего. Ни Хайнера, ни ведёрка, ни лопатки.

Так без передышки они ищут Хайнера, ищут так долго, что у петушков начинают болеть ноги.

Красное солнце зашло. Подул холодный ветер.

На землю и на море опустился синий вечер. Петушки вместе со своими спутниками приуныли.

Петушки останавливаются, прижимаются друг к другу и печальные стоят, втянув в себя маленькие головки. Чайка садится на камень, зуёк торопливо прячется в норку. Все молчат, думают, как быть дальше.

Но смотрите! Что это? С стороны степи стрелой подлетает красноногий чибис. Он делает круг и, не садясь на землю, сверху кричит:

— Вы ищете Хайнера? Я видел его. Могу вас проводить.

Петушки радостно взмахивают маленькими крылышками. Зуёк выскаки-

вает из земляной норки. Чайка смело взлетает в вечернее небо. Все спешат за чибисом.

Чибис показывает путникам на большую песчаную яму, затерявшуюся среди цветущего луга.

Песок в яме мелкий-мелкий и мягкий-премягкий. Петушки никогда не видели такого мягкого песка.

На краю ямы лежит Хайнер. Он лежит, как маленький кролик в гнезде, а рядом с ним — красное ведёрко и мамина садовая лопатка. Хайнер спит. На кончике его носа сидит лимонная бабочка и тоже дремлет. Петушки долго смотрят на Хайнера, потом первый петушок говорит:

— Он слишком далеко ушёл от дома и, конечно, очень устал.

— Он искал для нас самый лучший песок, — добавляет второй.

— Какое счастье, что мы его нашли, — говорит третий петушок.

Радость петушков разделяют зуёк, чайка и чибис. Первый петушок осторожно стучит клювом по руке Хайнера. Раз! Потом ещё, ещё и ещё. От этого просыпается только бабочка и улетает в вечерние сумерки. А Хайнер всё продолжает спать.

— Он, должно быть, очень устал, — говорят петушки.

Они молча смотрят на Хайнера и не знают, что делать. Петушкам не хотелось бы его будить. Но надвигается ночь. Надо идти домой, а путь не близкий.

Второй петушок тоже пускает в ход свой клюв. А когда мальчик начинает глубоко вздыхать, двум петушкам начинает помогать и третий.

Хайнер наконец просыпается, протирает глаза. Он не может понять, как попали сюда петушки? И откуда здесь чайка, чибис, зуёк? "Почему они смотрят на меня так приветливо?" — думает Хайнер.

— Мы рады, что нашли тебя, — говорит первый петушок.

— Ты ушёл так далеко, чтобы принести нам тот замечательный песок, — добавляет второй петушок.

— Большое тебе спасибо за это, — говорит третий.

Петушки роются в песке, а Хайнер сидит неподвижно и молчит. Ему стыдно. Он заставил петушков ждать его целый день, совсем забыл о них. А петушки смотрят на него приветливо да ещё благодарят. "Ах, милые вы мои петушки", — говорит про себя Хайнер.

А петушки продолжают наперебой расхваливать песок перед чибисом, чайкой и зуйком.

— Посмотрите, какой он мелкий и мягкий, — говорит первый петушок.

— Какой белый и чистый, — добавляет второй петушок.

— Как хорошо, что Хайнер нашёл для нас такой песок. Хайнер — самый лучший мальчик на свете, — говорит третий.

Хайнер слышит эти слова и снова думает про себя: "Ах, милые вы мои петушки". Но вслух ему нечего сказать.

Он берёт своё красное ведёрко и молча насыпает в него чудесный песок. Но тут чибис предлагает:

— Послушайте, друзья. Не пора ли нам расстаться. Поздно уже, пора домой.

Чибис делает прощальный круг и улетает. Чайка поднимается в воздух и летит в сторону моря. Из песчаной ямы выскакивает зуёк.

Хайнер остаётся вместе с петушками. Они тоже отправляются в дальний путь — домой. Хайнер несёт красное ведёрко с песком и мамину садовую лопатку. Он очень устал, но виду не показывает. Ведь петушки, должно быть, устали ещё больше. Они ведь такие маленькие, намного меньше Хайнера. Меньше его по крайней мере раз в пять.

"Милые вы мои петушки, — говорит про себя Хайнер. — Если бы этот мягкий, белый и чистый песок был в сто раз дальше от моего дома, я обязательно принёс бы его вам".

Фред Родриан

Утиная Лизель

Стоит жаркое лето. Уборка урожая в самом разгаре. Поэтому повсюду: и в поле, и в деревне — всё грохочет и гудит.

На самой окраине деревни выстроились в ряд семь разноцветных домиков. В одном из них живёт девочка Лизель. Домик приютился возле маленького пруда. На его берегу стоят три развесистые ивы, тут же и будка для собаки. Собаку зовут Люкс. Но не подумайте, что Люкс сидит на цепи. Нет, нет! Люкс — очень умный пёс. Он не только не кусает маленьких детей, но не трогает даже почтальона. Вот он какой пёс! Лизель очень любит своего четвероногого друга и с удовольствием играет с ним.

Сейчас время обеда. Лизель сидит перед домом на зелёной скамейке и кормит куклу молоком из бутылочки.

— Пей, пей хорошенько, — приговаривает Лизель. — Расти большой, сильной.

Из дома выбегает мама и торопливо говорит:

— Послушай-ка, Лизельхен! У пёстрой коровки сейчас должен появиться телёночек. Я пойду в коровник, а ты оставайся здесь. Хорошо?

— Телёночек? — удивляется Лизель и спрашивает: — Можно я пойду с тобой?

— Нет, Лизельхен, — говорит мама. — Помоги мне, пожалуйста, здесь во дворе. Посмотри за утятами. Говорят, ястреб летает. Это очень опасный хищник. Будь повнимательнее!

— Хорошо, мама,— говорит Лизель.

Мама убегает, а Лизель остаётся одна с Люксом.

Крестьяне работают в поле. Там же и старший брат Лизель Хайн. Он на своём огромном комбайне убирает хлеб.

Лизель стоит у пруда и, поигрывая прутиком, смотрит за утятами.

— Утя-утя-утя, — зовёт она утят.

Время от времени она посматривает поверх ив — не летит ли хищный ястреб.

Люкс тоже начеку. Одним глазом он поглядывает на небо, а другим следит за утятами. Люкс — хороший помощник.

— Утя-утя-утя. Мои милые утятки, — не переставая говорит Лизель.

Прошло полчаса, а ястреб не появляется. Девочке становится скучно. От нечего делать она глядит через забор и видит: там по дороге идёт большущее, грохочущее, но совсем не страшное чудовище — комбайн. Мощная, ярко-жёлтого цвета машина на больших колёсах. Она помогает людям убирать урожай. Одна такая машина выполняет работу, с какой не справятся и сто человек.

Комбайн — машина просто удивительная. Она и косит, и молотит, и ссыпает зерно в мешки, и даже увязывает солому. Людям остается только смолоть

зерно, и уже можно печь душистый хлеб.

Лизель всё это знает: ведь она родилась в деревне, а её старший брат Хайн — комбайнер.

Сейчас он ведёт комбайн по дороге и внимательно смотрит: как бы не задавить какого-нибудь гуся. Лизель машет брату руками и смеётся.

Вдруг она слышит громкий лай Люкса и испуганное кряканье утят. Лизель оборачивается, и её охватывает ужас. Утята разбежались в разные стороны и куда-то попрятались. Только Люкс сидит у пруда и не перестаёт громко лаять.

Струхнувший ястреб улетел прочь. Он хотел украсть какого-нибудь утёнка, но храбрый Люкс прогнал злого хищника.

Лизель быстро подбегает к пруду. Испуганная, она торопливо собирает попрятавшихся утят. Люкс, готовый снова дать отпор ястребу, стоит возле своей будки. Но хищная птица больше не появляется.

Лизель считает утят. Она считает по пальцам: один, два, три, четыре, пять, шесть. Да, шесть утят. Одного нет.

Досадно! Лизель сердится на ястреба. Ей очень жаль маленького утёнка.

Две большие слезы появляются в глазах у Лизели.

Она медленно подходит к Люксу.

— Мой хороший, добрый Люкс, — обращается Лизель к своему другу.

Но Люкс, всегда добрый и дружелюбный, вдруг ворчит на неё.

— Что с тобой, Люкс? — спрашивает Лизель. — Ты сердишься?

И тут она слышит робкое кряканье утёнка. Совсем тихое. Оно доносится оттуда, где стоит Люкс.

— Люкс! — испуганно кричит Лизель. — Ты съел утёнка?

Такой вопрос оскорбляет Люкса. Обиженный, он отходит в сторону.

А Лизель? Лизель видит в собачьей будке, на соломе покрякивающего утёнка. Седьмого. Спасаясь от ястреба, он забрался в будку, и теперь Люкс охраняет его.

— Ах ты, мой хороший, добрый Люкс, — говорит Лизель.

Ей немного стыдно перед собакой.

Осторожно несёт она утёнка к пруду. В пруду, весело задрав кверху клювики, плавают шесть других утят. Лизель счастлива. Все утята целы.

Вскоре из коровника приходит мама. Затем появляется Хайн.

— Ну, как дела, Утиная Лизель? — кричит Хайн.

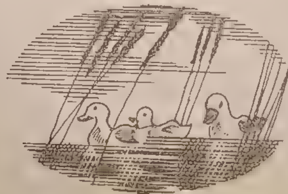
А мама спрашивает:

— Ты хорошо сторожила утят?

— Я — нет, — тихим голосом отвечает Лизель. — А вот Люкс... Люкс сторожил хорошо.

Все смеются, а мама говорит:

— У Пеструшки появился телёночек. Тоже пёстрый, на длинных ножках. Завтра утром можешь его посмотреть.

Фред Родриан

Облачный барашек

Кристина — маленькая девочка с голубыми глазами и длинными светлыми волосами — живет с родителями на самой окраине города, на улице Цветочной. Их дом стоит возле пруда. Когда-то в пруду было много золотых рыбок, но сейчас в нем осталась одна-единственная золотая рыбка. Рыбка ярко блестит на солнце и не говорит ни слова.

Кристина — девочка веселая и мечтательная. Она всегда о чем-то мечтает, постоянно чего-то хочет.

Она давно, например, хочет петь в два голоса. Но, к сожалению, это у нее пока не получается. Даже перед зеркалом. Или вот еще: она хочет научиться понимать, о чем говорят звери. Это — ее заветная мечта. А в любой мечте всегда есть что-то прекрасное.

Когда Кристина задумывается слишком надолго, к ней подходит Хуго и носом тычет в ногу. Это значит: "Перестань мечтать! Давай поиграем!"

Хуго — рыжая такса на кривых коротеньких ножках и с ушами мягкими, как шелк. Это добрая комнатная собака. Родители Кристины купили ее у старой тетушки, которая кормила бедную собачку кислой капустой. Тетушка почему-то считала, что кислая капуста полезна для собак. И теперь, когда Хуго слышит слово "капуста", у него на спине поднимается шерсть и он начинает сердито рычать. У Кристины, кроме Хуго, есть еще волнистый попугайчик, зовут его Тирлитю. Попугайчик умеет немного говорить, иногда он пискляво выкрикивает: "Капуста! Капуста!"

Но Хуго не обращает на него никакого внимания.

Кристина уже ходит в школу, и даже с удовольствием. Но это к делу не относится, потому что сейчас у нее каникулы.

В одно прекрасное утро Кристина встала очень рано. Солнце своим золотым пальцем пощекотало ее в носу, будто хотело сказать: "Вставай! Пораньше встанешь — побольше сделаешь!". Кристина немного поворчала — этому она научилась у Хуго,— встала с постели и пошла умываться.

Было отличное утро! Небо — голубое-голубое, и только облачные барашки проплывали над елками.

Кристина, жмурясь от яркого солнца, выглянула в окно. Выглянул в окно и Хуго.

— Слушай-ка, Хуго, — говорит Кристина. — Давай сходим на лесную лужайку.

Хуго от радости завилял хвостом.

Кристина ходит на лужайку с большим удовольствием, а Хуго — с еще большим.

Лужайка — это совсем маленькая полянка посреди сосен и елок. На полянке стоят две молоденькие березки. Утром почти всегда здесь играют белочки. Как красные языки пламени бегают они вок-

руг белоствольных берез. Иногда ранним-ранним утром здесь появляется и лесной олень.

Сейчас Кристина вместе с Хуго собирается пойти на лесную лужайку, чтобы полюбоваться березками, посмотреть на белочек. Может быть, ей повезет, и она увидит оленя.

— Веди себя тихо, Хуго, — шепотом говорит Кристина. Они осторожно, чтоб никто не услышал, выходят из дома.

"Капуста! Капуста!" — кричит им вслед волнистый попугайчик.

Но Хуго не обращает на него внимания.

Когда они пришли на лужайку, Хуго вдруг зарычал, шерсть у него на спине встала дыбом. Что случилось?! Кристина взглянула на березки.

На одной ветке уселись семь белочек. Свесив пушистые хвосты, они боязливо посматривали вниз.

Под березками стоял... Олень? Совсем нет! Там стоял барашек! Беленький, курчавый, очень тихий.

— Сидеть, Хуго! — строго приказала Кристина и направилась к барашку.

Хуго, понурый, остался сидеть на опушке. "Бедная собака,— сокрушался он.— Оставили здесь меня одного".

Кристина, как только увидела ягненка, сразу поняла: перед ней барашек не простой, а самый прекрасный на свете. Он был грустный, очень грустный и казался совсем беспомощным. Кристина опустилась перед ним на колени и стала гладить его шелковистую шерстку.

— Я — облачный барашек,— тихим голосом проговорил ягненок.— Попал сюда совсем случайно, играл с друзьями и нечаянно упал с неба.

Барашек грустно посмотрел на облако и робко сказал:

— Бе-е-е! Я хочу к моим друзьям. Помогите мне... Пожалуйста... Меня зовут Цирри... если кто будет обо мне спрашивать, скажите, что я здесь,— барашек немного помолчал и, чуть не плача, добавил: — Но никто обо мне, наверное, не спросит...

Белочки сочувственно закивали головками. Барашек умоляющим взглядом посмотрел на Кристину.

Девочка задумалась. Что же делать? Как помочь барашку?

Ветер стих, дятел перестал стучать, белочки замерли на березках, лишь Хуго едва слышно тявкнул издалека. Все выжидательно смотрели на Кристину. Она заметила это и решительно сказала:

— Идем! Идем к моей маме!

Но Цирри грустно посмотрел на небо и покачал головой. Идти он не хотел.

Тогда Кристина осторожно надела на барашка зеленый собачий ошейник и повела его к маме.

А послушный Хуго не осмелился без разрешения уйти со своего места и остался на опушке. Неужели Кристина забыла о нем? Он жалобно скулил и тявкал, но никто его не слышал.

У пруда Цирри остановился, посмотрел на золотую рыбку, рыбка посмотрела на него. Но разговор у них не получился, ни слова они не сказали друг другу.

Мама Кристины встретила их у садовой калитки. Она торопилась на работу.

— Ну, бродяжка, кого ты привела? — громко спросила мама.

— Барашка, — тихо ответила Кристина. — Облачного барашка. Его зовут Цирри. Он заблудился.

— Отведи его к старому пастуху Эрге,— торопливо сказала мама.

Она поцеловала Кристину, погладила барашка и побежала на работу. Мама не хотела опаздывать.

Кристина дала барашку поесть. Но он к еде не притронулся. Она дала ему попить. Но он пить не стал. Она хотела поиграть с барашком. Но он играть отказался.

Барашек стоял грустный и тихий. С глазами большими и круглыми от страха. Ему очень хотелось вернуться на небо, к своим друзьям.

— Почему ты такой грустный? — спросила его Кристина. — Ты заболел?

— Нет,— отвечал барашек.— Я случайно оказался один. А это хуже, чем быть больным.

И барашек рассказал:

— Мы, облачка, всегда играем и танцуем. Мы украшаем небо. Когда нас собирается много и на небе становится прохладно, мы превращаемся в дождевые капли и падаем на землю. И тогда

нас пьют травы и цветы, деревья и кусты. Без нас они жить не могут — мы им нужны. Но солнце каждый раз возвращает нас на небо. Потому что мы нужны и небу. Но один я...— барашек тяжело вздохнул.— Один я никому не нужен. Поэтому мне так грустно.

Он долго смотрел на небо глазами, полными тоски и грусти, и тихо проговорил:

— Может, мне лучше умереть?

— Не умирай, Цирри,— взволнованно проговорила Кристина.— Ни в коем случае не умирай. Ты будешь веселым и нужным. Я помогу тебе,— немного подумав, она добавила: — Но, по правде говоря, я пока не знаю, как это сделать.

Она слегка подтолкнула облачного барашка и сказала:

— Иди на лужайку. Хуго покараулит тебя. И белочки тоже. А я пока подумаю.

Кристина села на опрокинутое ведро и стала думать. Кто может помочь барашку?

Доктор? Может быть.

Полицейский? Тоже может быть.

Пастух Эрге? Может быть, и пастух Эрге.

Учитель? Может быть, и учитель.

Да, конечно, учитель! Но тут же Кристина вспомнила: каникулы! Учителя нет в городе. И все-таки: облачному барашку Цирри надо как-то помочь вернуться на небо. И как можно скорее. Кристина побежала по Цветочной улице, мимо пруда, на главную улицу.

Кристина бежала во весь дух. Вдруг кто-то крикнул: "Гоп-ля!", а кто-то другой схватил ее за волосы. Это были Бобби и Дитер, озорные мальчишки. Раньше они вместе с Кристиной ходили в детский сад.

— Прочь с дороги! — крикнула девочка, и от гнева у нее даже уши покраснели.

Но она сдержала себя, прищурила глаза и решительно сказал:

— Нет! Вы должны мне помочь. Мы все должны помочь Цирри!

Она рассказала мальчикам про облачного барашка и дала им поручение:

— Ты, Бобби, беги к доктору. А ты, Дитер, беги к пастуху Эрге,— сказала она и помчалась дальше.

Бобби застегнул на все пуговицы рубашку и побежал к доктору. Вот дом с белой дощечкой, на которой написана фамилия доктора. Бобби решительно поднялся по лестнице и нажал кнопку звонка. Дверь открыла приветливая тетя. Бобби стоял с испуганным лицом и не мог выговорить ни слова. Тетя положила руку на плечо мальчику, осторожно втолкнула его в комнату и усадила в странное кресло.

Потом вышел приветливый дядя в белом халате. Он заставил Бобби открыть рот и сказал:

— Зубки, сынок, надо чистить. Завтра придешь еще раз.

Приветливый дядя в белом халате даже подарил ему зубную щетку. Мальчику было стыдно. Оказывается, он по ошибке попал к зубному врачу.

В это время Дитер прибежал к пастуху Эрге, который жил на окраине города. Пастух выслушал историю Цирри, облачного барашка, набил трубку табаком и сказал "гм", и все. Больше он ничего не сказал.

А Кристина стояла на перекрестке и смотрела на полицейского. Полицейский стоял на невысокой тумбе и указывал автомобилям, куда они должны ехать.

Он орудовал полосатой палочкой и пронзительным свистком. И все машины слушались его.

"Да! — подумала Кристина.— Этот дядя нам поможет". И когда полицейский поднял свою палочку, она подошла к тумбе.

— Здравствуйте! — поздоровалась Кристина и рассказала полицейскому историю Цирри, облачного барашка.

Полицейский почесал затылок и ничего не сказал. Свисток умолк, и палочка застыла в его руке. Полицейский стоял и думал.

Все автомобили остановились. На перекрестке скопились машины: легковые, автобусы, молоковозы, бензовозы, панелевозы, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, почтовые пикапы, свадебные экипажи, цирковые фургоны, конные повозки и даже ручные тележки. Ну и, конечно же, пешеходы тоже остановились.

А полицейский в это время стоял и думал: как же помочь облачному барашку.

Вдруг издали донеслись громкие сигналы: тату-тата, тату-тата.

Полицейский взглянул на часы и понял — едут пожарные. На учение.

Полицейский улыбнулся и поднял свою полосатую палочку. Он сразу догадался, кто поможет облачному барашку. Конечно же, пожарные. Со своей длинной-предлинной лестницей. Он взмахнул палочкой, и все машины поехали: легковые машины, грузовые, автобусы, молоковозы, бензовозы, панелевозы, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, почтовые пикапы, свадебные экипажи, цирковые фургоны, конные повозки и даже ручные тележки. Улица освободилась для пожарных.

Пожарные подъехали, и полицейский пронзительно свистнул в свой свисток. Пожарная машина заскрипела тормозами и остановилась. Кристина и полицейский в два голоса стали рассказывать историю Цирри, облачного барашка.

— Так! — сказал командир пожарных и посадил Кристину рядом с собой в кабину.

Пожарные сразу же понеслись на помощь барашку. Тату-тата! Они мчались по улицам, а люди останавливались и с тревогой спрашивали друг друга: "Что случилось?". Но ничего страшного не случилось.

Пожарные ехали на лесную лужайку.

На лужайке, безмолвный и грустный, стоял Цирри, облачный барашек.

Хуго на коротких ножках ходил вокруг Цирри. А белочки сидели на березовой ветке и с любопытством разглядывали барашка.

Неподалеку стоял пастух Эрге. Он держал в руке острые ножницы для стрижки овец и смотрел на облачного барашка.

— Гм! — сказал он громко и пыхнул трубкой. После стрижки овец он не мог спокойно смотреть на нестриженого барашка. Позади него стояло стадо гладко остриженных овец, а среди них — лохматая овчарка.

На лужайке собрались люди, прослышавшие о Цирри, облачном барашке. Здесь был дядя с метеорологической станции. Он предсказывает погоду и поэтому лучше всех знаком с облаками. Бобби и Дитер сидели в траве и жевали щавель. Они ждали Кристину.

Тату-тата!

Вот и приехали пожарные. Они свернули с лесной опушки и резко остановились на лужайке. Кристина спрыгнула со своего сиденья и наклонилась над Цирри. Хуго залаял от радости, а недовольный пастух Эрге, он так и не смог постричь барашка, спрятал ножницы.

Пожарные спрыгнули со своих мест и сразу же взялись за дело. Под руководством командира они мгновенно установили высоченную пожарную лестницу, почти до самого неба. Командир бережно взял облачного барашка на руки и стал подниматься с ним по лестнице.

Постепенно он становился все меньше и меньше.

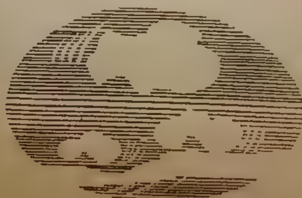
Кристина махала рукой и даже немножко всплакнула. Хуго, своего верного друга, она крепко прижимала к себе.

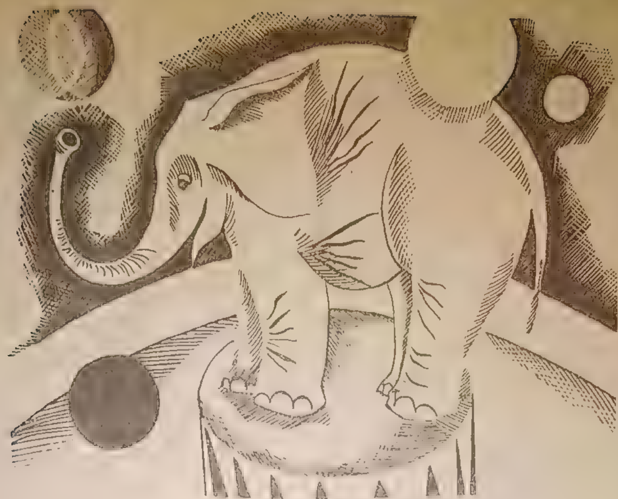
Бобби и Дитер надели пожарные каски, а пастух Эрге отогнал свое стриженое стадо. Дядя с метеорологической станции качал головой и все время ходил туда-сюда. Одни махали руками, другие стояли открыв рот от удивления.

Но командир пожарных поднимался все выше и выше. На самом верху лестницы он сильно наклонился вперед и бережно передал облачного барашка его друзьям, белым облачкам, танцевавшим на голубом небе.

Счастливая, но немного грустная, Кристина медленно шла домой. А рядом послушно шел Хуго.

У пруда Кристина на минуточку остановилась и посмотрела на золотую рыбку. Она подплыла ближе и высунула головку из воды. Кристине почудилось, будто рыбка сказала: "Спасибо!"

Вальдемар Шпендер

Куно, летающий слон

В зоопарке еще и сейчас живет слониха. У этой слонихи есть слоненок, зовут его Куно.

Однажды маленький Куно сказал:

— Мама, мне холодно. Скажи, пожалуйста, почему мне холодно?

— Холодно тебе потому, что сейчас — зима. А зимой всегда бывает холодно,— ответила мама.— Пойди в дом, там тепло. Или побегай немножко и согреешься.

Куно бегал по вольеру что есть мочи, но согреться не мог.

Наступила весна, и холода прошли. Стайка ласточек прилетела и опустилась в зоопарке. Одна ласточка села на край вольера, в котором гулял Куно.

— Ты откуда прилетела? — спросил слоненок ласточку.

— Из Африки,— ответила ласточка.

— Из Африки? — удивился Куно.— А где эта Африка?

— На юге,— сказала ласточка.— Далеко-далеко на юге.

— Там тепло?

— Очень.

— А слоны там есть?

— Есть там и слоны,— ответила ласточка.

— Я здесь все время мерзну,— пожаловался Куно.— А в Африке?.. В Африке слоны мерзнут?

— Думаю, что не мерзнут,— сказала ласточка.

— А как туда идти? — спросил Куно.

— Туда нужно не идти, а лететь,— ответила ласточка.— Ну, мне пора. Тороплюсь в Шверин, там мое гнездо. До свидания, Куно! — она подняла крылья навстречу ветру и полетела на север.

Куно тихо стоял и думал об Африке, где слоны никогда не мерзнут.

В обед слоненок ел булку и запивал ее водой из игрушечного ведерка.

С булкой во рту он сказал:

— Мума, я хофу...

— Прожуй сначала,— сердито сказала слониха.— С полным ртом разговаривать нельзя.

Куно быстро проглотил булку и проговорил:

— Мама, я хочу летать!

— Что? Летать? — удивилась мама.— Слон летать не может.

— А птица может. Почему птица летать может, а слон не может? — спросил Куно.

— Потому что у птицы есть клюв и крылья,— ответила слониха.— А у нас только хобот.

— У комара тоже есть хобот, но он все-таки летает. У ветряной мельницы крылья во-о какие, а летать она не может.

— Не говори чепуху! — начала сердиться слониха.— Чтобы летать, нужны крылья. Понял? Самое главное — крылья.

— Но я хочу летать,— не унимался Куно.

"Малыш захотел домой, в Африку",— подумала растроганная мама и сама размечталась, но быстро взяла себя в руки и проговорила:

— Но это глупо в конце концов. Мы не можем летать, мы слишком тяжелые!

— Я все равно полечу в Африку,— упрямо буркнул Куно и отошел от слонихи.

"У меня нет крыльев? Ну и пусть! — рассуждал слонёнок. — Зато у меня есть большие уши. Буду тренироваться до тех пор, пока не научусь летать".

Он тут же начал махать ушами, но оторваться от земли не смог.

Куно замахал ушами еще отчаяннее, встал на задние ноги, но в воздух так и не поднялся.

— Нужно больше тренироваться,— решительно сказал Куно.

Много дней подряд Куно усердно тренировался. Он махал ушами и утром, и днем, и вечером. Но ничего не помогало. Он только нагонял ветер, а взлететь не мог.

Однажды над зоопарком пролетел самолет. Куно с тоской посмотрел ему вслед.

Подошла мама, чтобы его успокоить.

— Вот видишь,— сказала она.— Ничего у тебя не получается. Летать ты не можешь!

— А самолет, мама! — воскликнул Куно.— Самолет тяжелее нас с тобой, а он летает. Летает высоко в воздухе.

— Но у него есть крылья и мощный пропеллер,— объяснила мама.— А еще у него есть колеса, на которых он делает большой разбег.

"Если бы у меня на ногах были колеса! — подумал Куно.— Если б я мог делать большой разбег!". И тут слоненка осенила блестящая мысль: "А что получится, если быстро, быстро вертеть хвостом? Получится не хуже пропеллера! А может быть, и лучше!". И Куно снова начал усиленно тренироваться. Он раскручивал хвост, как пропеллер, и брал большой разбег. Не забывал он, конечно, и махать ушами.

Но всегда вместо того, чтобы взлететь в воздух, он падал носом на землю. "Разбег не получается,— рассуждал Куно.— Значит, нужно придумать что-нибудь другое. Попробую-ка я разогнаться с нашей Слоновой горы".

Но при первой же попытке он упал на голову и набил шишку. От боли и досады Куно, как капризный малыш, затопал ногами и громко заревел.

— Хочу летать,— всхлипывал слоненок.— Летать хочу!

— Ты только что летал,— сказала мама.— Может быть, хватит?

— Нет, не хватит! — не унимался Куно.

На обед он съедал уже три булки и выпивал большое ведро воды.

Слоненок немного подрос, стал увереннее держаться на ногах, научился великолепно махать ушами, а хвостом вертел, как пропеллером. Более того! Он научился хоботом жужжать, как комар, и гудеть, как самолет!

Мама смотрела на него и уже больше ничего не говорила. А старые, мудрые слоны из их вольера только покачивали головой.

Однажды, когда Куно делал свои упражнения, по зоопарку проходил директор цирка господин Ганс-Титус Паннеман. Он искал таланты для своей большой цирковой программы с участием зверей. Он подошел к вольеру и увидел Куно, который в этот момент готовился к взлету. Он мчался прямо на господина Паннемана. От неожиданности директор цирка отскочил на два шага назад. Перед большим рвом, отделяющим слонов от зрителей, Куно попытался взлететь в воздух. Слоненок, как резиновый мяч, слегка подпрыгнул и шлепнулся на землю. Он быстро поднялся и побежал назад, чтобы начать все сначала.

Господин Паннеман отыскал смотрителя слонов и спросил его:

— Что случилось с этим слоненком?

— О, это слоненок Куно! — воскликнул смотритель.— Удивительный малыш! К сожалению, я плохо понимаю слоновий язык. Но если не ошибаюсь, он очень хочет летать.

— Но это невозможно!

— Вот именно,— согласился с ним смотритель.— Поэтому мы обратились за советом к нашему ветеринарному врачу. Врач осмотрел его и сказал, что Куно совершенно здоров. Но мне кажется, у него все-таки не все в порядке вот

тут,— сказал смотритель и постучал себя пальцем по лбу.— К нам часто прибегают испуганные посетители. Многие боятся: Куно может упасть в ров или даже перепрыгнуть его и отдавить ногу какому-нибудь посетителю.

— Интересно,— сказал господин Ганс-Титус Паннеман.— Если я правильно понял, у вас нет большого желания держать Куно в зоопарке. Я сейчас же поговорю с вашим директором,— он еще раз посмотрел на Куно и пошел прямо в дирекцию.

На следующий день слоненок Куно был уже в цирке. Его обменяли на двух львят и молодую гиену.

Это было совсем недорого. За такого слоненка ростом с Куно можно было бы получить пять молодых львов да еще взрослую гиену в придачу.

Для цирка Куно был настоящей находкой. Его не нужно было ничему учить. Он умел делать все. Директор Паннеман сказал:

— Кто не видел Куно, ничего не знает о современной дрессуре.— И велел напечатать новые рекламные афиши.

Способности слоненка директор, конечно, преувеличивал. Летать Куно все-таки не умел.

Народ толпами повалил в цирк, чтобы посмотреть на летающего слона. Взрослые и дети весело смеялись, восторженно хлопали в ладоши, когда слоненок каждый вечер показывал свое мастерство — взлетал в воздух и приземлялся. Никто не оставался равнодушным к его искусству.

Поначалу такой успех льстил слоненку. Но через несколько месяцев он уже начал сомневаться: не глупо ли все время крутиться на арене и хлопать ушами. Куно задумался: "Почему люди хлопают в ладоши и смеются над моим неумением летать? Мне кажется, они просто тешатся надо мной".

Работа в цирке, которая поначалу казалась ему такой интересной, теперь уже не радовала Куно. Однажды вечером, занятый грустными мыслями, он стоял в своем боксе. С ним заговорил его сосед, старый слон дедушка Роберт.

— Куно, ты — жемчужина! Ты — настоящий талант, большой мастер! Ты умеешь делать больше, намного больше, чем другие слоны. Но поверь мне, опытному цирковому слону: летать ты никогда не сможешь! И все же! Если из-за этого ты опустишь уши, значит, ты не артист. В будущем году наш цирк поедет на гастроли за границу. Если ты будешь выступать хуже, директор цирка не возьмет тебя. Так что соберись с духом, мой мальчик, и учись!

— Соберись с духом и учись,— повторил слоненок слова дедушки Роберта.— Все время одно и то же. А смогу ли я научиться летать? А ты, дедушка Роберт, что умеешь делать? Стойку на передних ногах и стойку на задних — раз, кувырок вперед и кувырок назад — два. Бегать по арене в красивой попоне и кланяться публике — три. Вот и все!

— Почему же все? — возразил дедушка Роберт.— Я могу делать еще и переворот вправо и влево.

— А еще что? — спросил Куно.

— Больше ничего. Это все, на что я способен.

— Вот видишь! Больше ты ни на что не способен. А комар — совсем маленький, а летать способен.

— Ну нельзя же из слона делать комара,— проворчал старый слон и отвернулся.

Куно сердито топнул ногой, и по его щекам скатились четыре слоновьи слезы. После этого он выпил сразу два ведра воды, но есть ничего не стал.

В ту ночь он долго, очень долго не мог уснуть.

Лишь три дня спустя Куно сказал дедушке Роберту:

— Дедушка, извини меня, пожалуйста... Ты был прав. Летать я не смогу, но учиться все же должен. Буду стараться. Может быть, меня возьмут за границу. Правда, цирк едет не в Африку, но все же... Посоветуй мне, пожалуйста, что я должен выучить, над чем поработать.

— Вот такая она, теперешняя молодежь! — беззлобно проворчал дедушка Роберт и склонился над слоненком. В этот день они долго шептались между собой.

Не прошло и года, а Куно уже научился считать до десяти. Он умел сидеть за столом и есть ложкой. После долгой тренировки он наловчился держать на

хвосте воздушный шарик. Да, вот еще! Он мог даже наигрывать хоботом модную песенку "Страна чудес ночью".

Зарубежные гастроли цирка прошли с огромным упехом. Немалая доля этого успеха принадлежала слоненку Куно.

Тепло принимали выступления Куно и в Москве. В этом большом городе стояли сильные морозы, и директор велел сшить для Куно меховой комбинезон, как у летчиков. Комбинезон был очень теплым, и Куно гордился им.

С цирком Куно побывал в Будапеште и на солнечном берегу Черного моря. На побережье ему понравилось больше всего — в это время там было очень тепло. Куно видел золотые башни Праги. На следующее лето он вместе с цирком приплыл на теплоходе в Хельсинки. И везде он показывал свои полеты, ел ложкой и наигрывал песенку "Страна чудес ночью". У публики — особенно у детей — он пользовался огромным успехом.

Лишь иногда на душе у него становилось тоскливо. Но он решительно подавлял тоску, продолжал упорно учиться и получал большое удовлетворение от своей работы в цирке.

"Слон летать не может",— часто говорил он себе.

Однажды утром в бокс к Куно пришел директор цирка господин Паннеман, надел на него большой красный ошейник и сказал:

— Пойдем, Куно, немножко погуляем!

Господин Паннеман водил Куно гулять всякий раз, когда был им особенно доволен.

Куно всегда с удовольствием гулял с директором по широкой центральной улице. Но на этот раз он очень удивился! На тротуарах вдоль всей улицы стояли дети. Они махали цветными флажками, пускали воздушные шарики и громко кричали:

— Слава нашему Куно, летающему слону! Ура!

Хотя Куно не понимал, почему его так чествуют, он был горд таким отношением.

Куно и директор цирка уже вышли на окраину города, но тут их со всех сторон обступила детвора. Они свернули в сторону и оказались на большом поле.

Это был аэродром. На нем стоял огромный реактивный самолет. Перед самолетом теснились дети и взрослые. Был тут и духовой оркестр. Господин Ганс-Титус Паннеман провел Куно сквозь людской коридор прямо к самолету. Там он снял с него ошейник и взошел на трибуну. Директор поднял руку, и все дети сразу же притихли.

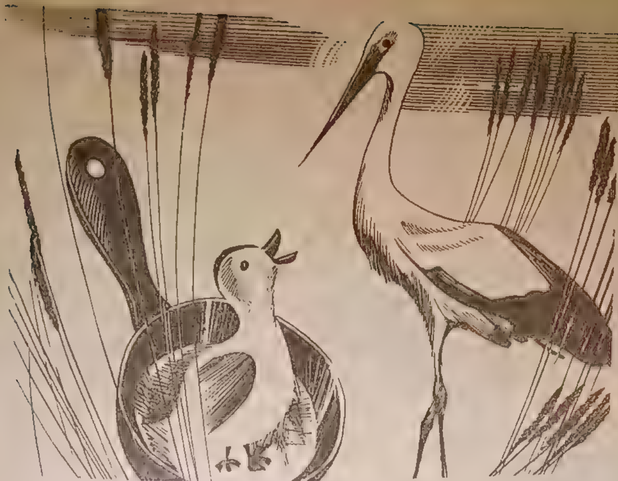
— Дорогой Куно,— начал свою речь господин Паннеман,— мы все знаем, что ты с детства очень хотел летать. Но слоны летать не могут. Это знает каждый ребенок. Зато слоны могут хорошо учиться и прилежно работать. Это ты доказал на деле. За твое прилежание и большие успехи тебе предоставляется возможность совершить путешествие в Африку. Целый месяц ты сможешь гулять по стране, которая давно тебе снится. Но самая большая для тебя радость — ты сможешь, наконец, полетать! В путешествии тебя будут сопровождать добрые пожелания твоей мамы, дедушки Роберта, артистов нашего цирка и, как ты сам видишь, всех детей, — директор набрал в легкие воздуха и крикнул: — Слава нашему Куно, летающему слону! Ура!

— Ура! Ура! Ура! — дружно и громко кричали ребята.

Господин Паннеман надел черный цилиндр и под звуки песни "Страна чудес ночью", которую лихо играл духовой оркестр, вместе с Куно вошел в самолет.

Моторы тут же взревели, огромная серебристая птица взмыла в воздух и взяла курс на юг.

Изольда Штарк

Уточка без имени

На лугу у ручья много дней лежало утиное яичко. Трудно сказать, как оно сюда попало и кто его согревал. Возможно, солнце.

Было начало лета, и стояла жара. И вскоре из яичка вылупился утёнок. Он отряхнулся и тут же побежал к ручью купаться. Утенок увидел своё отражение в воде и удивлённо воскликнул:

— Ах, вот я какой!

Утёнок рос и всё время смотрел на своё отражение. Сначала он покрылся желтым пушком, потом у него выросли перья. Утёнок постепенно превратился в уточку, хотя ещё маленькую.

Однажды уточка подумала: "Я видела своё отражение в воде. Поэтому я знаю, как я выгляжу. Но кто я такая, мне неизвестно". И она решила поискать того, кто смог бы ответить ей на этот вопрос.

По дну ручья плавало много маленьких рыбок. Уточка опустила голову в воду, но спросить не успела — рыбки разбежались в разные стороны.

Уточка вынырнула, набрала воздуха, стряхнула с перышек воду и поплыла вниз по течению.

Вскоре она увидела на берегу большую плакучую иву.

— Скажи мне, пожалуйста, кто я? — спросила уточка.

Плакучая ива устало посмотрела на неё и сказала:

— По-моему, ты какой-то зверь. Но зверей так много... Оставь меня, пожалуйста, в покое, я хочу спать.

— Извини!

Уточка растерялась: ведь она была еще совсем несмышлёныш. "Спрошу кого-нибудь другого", — решила уточка и посмотрела вокруг. Справа круто поднимался песчаный берег. Через ручей перекинут деревянный мостик, а с левой стороны луг, усеянный желтыми одуванчиками.

Уточка оглянулась назад и увидела торчащий из воды камень. На нём сидела лягушка. Закрыв глаза и вытянув голову, она грелась на солнышке.

Обрадованная уточка повернулась к ней и крякнула. Лягушка увидела уточку и выпучила глаза от испуга. Она тут же прыгнула в воду и вынырнула далеко от того места, где только что сидела на камне.

— Я тебя боюсь. Ты хочешь съесть меня?

— Нет! Я хочу только у тебя спросить...

Лягушка недоверчиво посмотрела на уточку и тотчас скрылась за ивовыми ветками. Уточка подождала немного, но лягушка не появилась.

Уточка поплыла дальше, вниз по ручью.

И вдруг она увидела на берегу белого аиста.

— Ты не знаешь, кто я? — спросила уточка.

— Как не знать. Знаю, — ответил аист. — Ты — водоплавающая птица.

— Большое спасибо.

— Не за что! Это знает каждый аист.

— Я — водоплавающая птица, я — водоплавающая птица! — обрадовалась уточка и поплыла дальше.

И вдруг рядом с ней кто-то сказал:

— Чепуха! Никакая ты не птица. Для меня ты — вкусное жаркое.

Уточка оглянулась и увидела на берегу рыжую лису. Лиса жадно облизывалась.

— Неправда! Я точно знаю, кто я есть. Я — водоплавающая птица!

— А мне всё равно. Для меня ты — вкусное жаркое. А теперь вылезай-ка из воды, чтобы я смогла тебя съесть!

Уточка, конечно, испугалась и торопливо поплыла дальше.

— Проклятие! — кричала лиса ей вдогонку.

Уточка недоумевала: кто же сказал ей правду — аист или лиса? "Хорошо. Спрошу ещё у кого-нибудь", — решила она.

И тут ручей сделал небольшую дугу и побежал через крестьянский двор. Уточка вышла из воды и направилась к большой птице, которая выглядела почти так же, как и она сама, но была крупнее и с длинной шеей.

Перед уточкой стоял гусь.

— Здравствуй, — сказала уточка. — Сказать тебе, кто я? Я — вкусное жаркое!

— Га! — насмешливо гоготнул гусь. — Так любой может прийти и сказать, что он — вкусное жаркое. Для этого ты слишком тощая. Посмотри на меня. Вот я — действительно вкусное жаркое.

Он гордо вытянул шею и, переваливаясь с боку на бок, сделал небольшой круг, чтобы показать себя со всех сторон.

— Ну, раз так, то пусть я буду водоплавающей птицей, — проговорила уточка и подумала: "Значит, аист сказал мне правду".

— Видишь, какой я? Жирный и красивый! А буду ещё лучше, хотя я тоже водоплавающая птица, — прошипел гусь теперь уже сердито. — Я скажу тебе, кто ты есть. Ты — утка. Тощая и нескромная. Понятно? А теперь — убирайся!

Уточка быстро побежала к ручью и поплыла дальше. Она еще сама не знала: плакать ей или смеяться. Гусь обошёлся с ней очень невежливо. Ну и пусть. Уточка решила не плакать. Теперь она знала, кто она. Она — утка.

Пока уточка об этом думала, ручей, по которому она плыла, достиг озера. Она огляделась и увидела шумных птиц. Они были точно такие, как и она.

— Я — утка! — радостно крикнула им уточка.

— Ну и хорошо, что утка. Но зачем же так громко кричать? Мы все здесь — утки.

— Но кто же тогда я?!

Но никто из уток ей не ответил.

Уточка со слезами на глазах поплыла в камыши. Когда она осталась одна, камыши раздвинулись, и к уточке подплыл молодой селезень.

— Можно я составлю тебе компанию? — спросил уточку селезень. Уточка ничего не ответила. Она опустила голову и увидела своё отражение в воде.

— О чём ты думаешь? — спросил её селезень.

И тогда уточка рассказала ему обо всем.

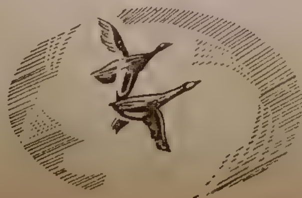
— Мне кажется, все дело в том, что у тебя нет имени, — сказал селезень. — Пойдем, я покажу тебе озеро. Может, мы и придумаем тебе имя.

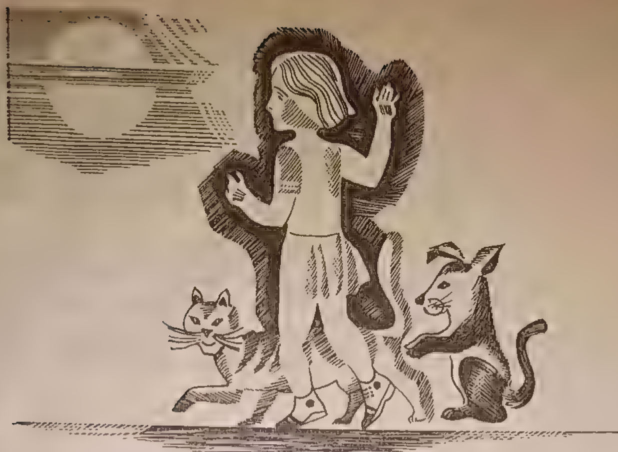
Маленькая уточка согласилась.

— А вообще-то, — поразмыслив, добавил селезень, — дело все-таки не в имени. Ведь точно таких уток, как ты, на свете больше нет. Ты — одна такая, единственная. Так что дело совсем не в имени.

— Правда? — с сомнением спросила уточка.

— Правда! — сказал селезень.

Эва Штриттматтер

Четвероногий братец

Жила-была маленькая девочка. Жила она с мамой в деревянном домике, и не было у нее ни сестер, ни братьев. Мама целыми днями была на работе, а девочка оставалась дома одна.

С утра до вечера она играла с маленьким березовым поленцем. Она заворачивала поленце в цветные лоскутки и называла его деревянным сыночком. В старый ящик девочка положила немного сена и устроила там для поленца постель. Вот и все, что было у маленькой девочки. Больше у нее не было никаких игрушек.

Когда девочка укачивала поленце, она часто напевала:

Деревянный мой сынок,
Будь двуног, четвероног —
Все равно, но будь живым,
Братцем станешь ты моим!

Однажды, когда девочка гуляла с поленцем на улице, повстречался ей кот, всклокоченный и драный. Шкура у него была вся изрешечена охотничьей дробью. Девочка приветливо заговорила с котом и ласково погладила его. Кот побежал следом за девочкой. По улицам и переулкам он бежал за нею до самого дома. У калитки девочка спросила кота:

— Четвероногий, хочешь стать моим братцем?

Кот мяукнул и благодарно посмотрел на девочку. Девочка обрадовалась, даже щеки у нее порозовели.

Она перевязала коту раны, накормила его, напоила и назвала Четвероногим Братцем.

Пришла с работы мама и стала браниться:

— У нас и так есть нечего! Зачем нам еще этот кот?

Но когда она увидела, как полюбила девочка кота, когда услышала, что девочка называет его Четвероногим Братцем, матери стало жаль свою дочку. Она разрешила ей оставить кота и поделилась с ним скудной едой.

На другой день в калитку постучала толстая госпожа. Она кричала:

— Вы украли моего кота! Верните мне его!

Кот услышал голос своей бывшей хозяйки. Он прижался к девочке и стал сердито фыркать. Девочка открыла калитку и сказала:

— Я накормила его и напоила. Он — мой братец.

Но толстая госпожа и слышать ничего не хотела. Кот оцарапал ей руку, но она схватила его за шею, сунула в мешок и унесла.

Девочка снова осталась одна с березовым поленцем. Она укачивала его и напевала:

Деревянный мой сынок,
Будь двуног, четвероног —
Все равно, но будь живым,
Братцем станешь ты моим!

Однажды девочка гуляла со своим поленцем на улице. У ворот одного дома она увидела больную собаку — дога. Догу защемило воротами лапу, он жалобно скулил. Девочка помогла ему освободить лапу, погладила его. Благодарный дог побежал следом за девочкой. По улицам и переулкам он бежал за нею до самого дома. У калитки девочка спросила:

— Четвероногий, хочешь стать моим братцем?

Дог тихо гавкнул и благодарно посмотрел на девочку.

Девочка обрадовалась, даже щеки у нее порозовели. Она накормила, напоила дога и назвала его Четвероногим Братцем.

Пришла домой мама и стала браниться:

— У нас и так есть нечего! Зачем нам еще этот пес?

Но когда она увидела, как полюбила девочка дога, когда услышала, что девочка называет его Четвероногим Братцем, матери стало жаль свою дочку. Она разрешила оставить дога и поделилась с ним скудной едой.

На другой день в калитку постучал богатый господин. Он кричал:

— Вы украли моего дога! Верните мне его!

Дог услышал голос своего бывшего хозяина. Он прижался к девочке и стал сердито лаять. Девочка открыла калитку и сказала:

— Я накормила его и напоила. Он — мой братец.

Но богатый господин и слышать ничего не хотел. Дог укусил его за руку. Но хозяин схватил дога, надел на него ошейник и увел.

Девочка опять осталась одна с поленцем. Она качала его и напевала:

Деревянный мой сынок,
Будь двуног, четвероног —
Все равно, но будь живым,
Братцем станешь ты моим!

Однажды, когда девочка гуляла со своим поленцем на улице, она увидела маленького белого коня. Конь убежал от своего хозяина, потому что тот его бил.

У девочки был один-единственный кусочек сахара, и она отдала его коню. И тогда конь побежал следом за девочкой. По улицам и переулкам он бежал за нею до самого дома. У калитки девочка спросила коня:

— Четвероногий, хочешь стать моим братцем?

Конь заржал в ответ и благодарно посмотрел на девочку.

Девочка обрадовалась, даже щеки у нее порозовели. Она накормила коня, напоила и назвала его Четвероногим Братцем.

Пришла домой мама и стала браниться:

— У нас и так есть нечего! Зачем нам еще этот конь?

Но когда она увидела, как полюбила девочка коня, когда услышала, что девочка называет его Четвероногим Братцем, матери стало жаль свою дочку. Она разрешила ей оставить коня и поделилась с ним скудной едой.

Но на другой день в калитку постучал злой господин, хозяин коня. Он кричал:

— Вы украли моего коня! Верните мне его!

Конь услышал голос своего бывшего хозяина, сердито заржал и подошел поближе к девочке.

Девочка открыла калитку и сказала:

— Я его накормила и напоила. Он — мой братец.

Но злой господин и слышать ничего не хотел. Он схватил коня за гриву. Конь больно ударил своего хозяина копытом. Но хозяин погнал его плеткой на улицу.

Маленькая девочка стала горько плакать. От слез у нее заболели глаза. И, укачивая свое поленце, она напевала:

Три четвероногих братца
Было у меня,
Но пришлось одной остаться —
Нету пса, кота, коня...

Она пела, и крупные слезы катились у нее из глаз и падали на деревянного сыночка. И чем сильней девочка плакала, тем живее становился деревянный сыночек. Он потянулся, выпрямился, и поленце превратилось в

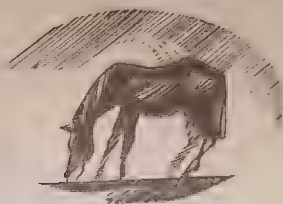
мальчика. Он спрыгнул с колен девочки и крикнул:

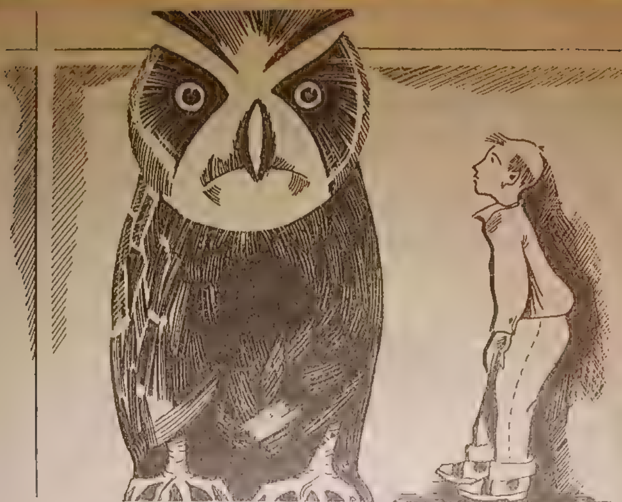
— Я — двуногий, не четвероногий, и я хочу стать твоим братцем!

Девочка обрадовалась! Щеки у нее стали красными, как яблочки. Она взяла братца за руку и побежала с ним к маме. Мальчик сразу понравился маме, и она сказала ему:

— Ах ты мой сыночек!

С тех пор девочка уже никогда не была одна.

Катрин Пипер

Школьная сова Паула

Бабушка говорит: дети начинают ходить в школу лишь тогда, когда у них выпадает первый зуб. Ни раньше и ни позже.

Но как быть Тому, если у него ни одного зуба пока не выпало. И даже не качается. А до первого сентября остается всего два месяца. Вот беда!

— Через два месяца, — утешает его бабушка, — возможно, какой-нибудь зуб и закачается.

— У меня не закачается, — говорит Том. — Вот увидишь. Может, у меня совсем не будет новых зубов. Старые-то — посмотри — еще совсем хорошие.

Бабушка и Нико, старшая сестра Тома, улыбаются: они-то знают, что бы Том ни говорил, зубы у него скоро закачаются. И даже выпадут.

— Совсем еще глупый, а собирается в школу, — говорит Нико.

— Никакой я не глупый,— сердится Том. — И в подготовительной группе был не глупый!

Бабушка понимает, что ей пора вмешаться в этот разговор. Она видит, как заблестели глаза у Нико. Кому-кому, а ей хорошо известно, какие сильные кулаки у Тома. Она очень боится слез, ссор, особенно драк, и поэтому пытается вмешаться в перепалку брата и сестры. Но... поздно. Нико вскакивает с места, бежит к двери и оттуда уже кричит:

— Подготовительная группа — для малышей. Это еще не школа. А вот придешь в школу и узнаешь, что это такое. Поплачешь там! Ясно?

Том смотрит ей вслед, переводит взгляд на бабушку. Она сидит за столом, заваленным книгами. Бабушка — женщина умная. Не только потому, что она много читает, а еще и потому, что умеет читать мысли других. Умеет видеть, что человек чем-то огорчен, озадачен. Вот и сейчас она понимает, что у Тома на душе муторно и тяжко.

— Не слушай ее, — утешает бабушка внука. — Мне кажется, тебе нет нужды бояться школы. Помнишь, как у тебя все хорошо получалось в подготовительной группе? Помнишь?

Том молча кивает, но на сердце у него все-таки скребет.

— Помнишь, как за один час ты выучил целый стих? — спрашивает бабушка.

— Я его до сих пор не забыл! — быстро отвечает Том.

— Помнишь, как бойко ты ответил учительнице: сколько курочек было в курятнике, пять или восемь? Помнишь? — спрашивает бабушка.

— А еще песню, — кричит Том, но уже весело и радостно. — Еще песню мы тогда учили... Про трех курочек!

Бабушка и Том поют песню про трех курочек, которые сначала поссорились, а потом помирились и стали друзьями.

— Думаю, что в школе тебе будет хорошо, — говорит бабушка. — Я надеюсь.

— Я тоже надеюсь,— говорит Том. — Но это когда-то будет. А мне сейчас хо-чется сходить в школу и узнать, как там...

Погода стоит прекрасная. День выдался отличный. Слова сестры, правда, несколько испортили настроение Тому, но прекрасная погода повлияла на него благотворно, и теперь на душе у него снова светло и радостно.

На кухонном столе мама оставила сумку с пустыми бутылками из-под молока, а рядом положила деньги. Том должен сходить в магазин за молоком. Магазин находится недалеко; Том всегда ходит за молоком с удовольствием. Дорога знакома ему хорошо, он знает, в каком саду цветут самые красивые тюльпаны, на каком дереве птицы вьют себе гнезда, где поселились первые скворцы. По пути он встречает знакомую кошку Морле с котятами. Три дня назад Том научился свистеть. И сейчас он свистнул громко-громко, как Соловей-Разбойник. Но кошка не обратила на его свист никакого внимания, только котята вздрогнули.

В магазине фрау Гризе расставляет по полкам шоколадные автомобильчики. Тонкий аромат шоколада доносится до Тома, и он, затаив дыхание, как завороженный, наблюдает за работой фрау Гризе.

— Недурно пахнет, а? — спрашивает фрау Гризе. Том только кивает в ответ.

— Хорошо бы такие автомобильчики дать всем ребятам к первому сентября, как ты думаешь?

— Конечно, хорошо бы, — отвечает Том, не отрывая глаз от разноцветных автомобильчиков. — Но они и сейчас бы мне пригодились.

— А что ты станешь с ними делать?

— Устрою автомобильные гонки. Все проигравшие автомобили я сразу же съем. Оставлю одного победителя.

— Эх ты, чудак-человек,— вздыхает фрау Гризе. — Я могла бы подарить тебе автомобильчик. Но если ты все машины съешь, у меня ничего не останется, и подарить будет нечего.

— Тогда первым я съем победителя.

Том смотрит на фрау Гризе, фрау Гризе — на Тома, и они оба весело смеются. Смеются так громко, что бутылки в сумке начинают греметь.

— А первым, кому я сегодня продам молоко, — говорит фрау Гризе, — будешь ты. Она подает Тому молочные бутылки, получает деньги и дарит ему красный шоколадный автомобильчик. Том смеется еще веселее.

— Смейся, смейся, — говорит фрау Гризе, — смейся сейчас. Пойдешь в школу, будет не до смеха. Много плакать придется.

Том приносит молоко домой, съедает шоколадный автомобильчик. Но на душе у него что-то неспокойно. Как будто случилось что-то недоброе. Любезная фрау Гризе повторила слова, сказанные утром старшей сестрой. Том сидит в саду и мучительно думает: "Что же такое школа? Как в ней будет? Хорошо или плохо?"

На пальце у Тома божья коровка пробует свои силы, готовится к старту и взлетает. И тут Том соображает, что надо делать, как поступить. Он сходит в школу. Теперь, сейчас же. Когда его никто там не ждет. Он найдет господина Блинзе, своего учителя подготовительной группы, и спросит его, что же такое школа, как там, хорошо или плохо, бояться ему или, наоборот, радоваться. Господин Блинзе, учитель с рыжей бородкой и голубыми глазами, все ему скажет.

Школа уютно расположилась в тени высоких лип. Здание школы — не новое и не старое — покрыто красной, коричневой и серой черепицей.

Том нажимает плечом на школьную дверь. Тихо скрипя, дверь открывается. Солнечные лучи врываются в темный, холодный вестибюль и ярким блеском отражаются от металлических вешалок. Осенью и зимой здесь висят пальто школьников. А сейчас там болтаются только сморщенная коричневая сумка для бутербродов да маленькие спортивные трусики.

Из-за классных дверей с белыми табличками до Тома доносятся то громкие, то тихие голоса школьников и учителей.

Том поднимается по деревянной лестнице, подходит к черной, маленькой

двери в конце коридора. На двери вместо таблички прибита деревянная рамка, сплошь источенная голодными червями — древоточцами.

На последнем уроке в подготовительной группе господин Блинзе открыл детям эту дверь и таинственно сказал:

— Здесь находится наша комната чудес.

— Чудес не бывает, — кричали дети.

— Не бывает сказочных чудес, — ответил господин Блинзе. — Чудеса в нашей комнате — совсем другие. Первого сентября вы с этой комнатой познакомитесь.

А сейчас Том стоит перед дверью в комнату чудес и размышляет над словами учителя. Мальчик осторожно стучится. Он медленно надавливает на ручку и чуть-чуть приоткрывает дверь. Он просовывает голову в щель, и его сердце останавливается от страха. Перед Томом на столе сидит серая сова и спокойно смотрит на него большими круглыми глазами.

Том одним прыжком отскакивает от двери. Дверь тут же захлопывается, и по коридору катится гул. Том замирает. От страха у него перехватывает дыхание. Но ничего страшного не происходит, никто к нему не идет, никто на него не глядит. Том слышит, как дети в классах поют и смеются. До него доносятся голоса учителей. Он возвращается к двери и снова открывает ее. Сова сидит на прежнем месте. Том просовывает в дверь руку.

— Кш, кш, кш, — махая рукой, он пытается вспугнуть птицу.

Но сова не курица, которую можно отогнать. Том размышляет: пчелы жалят, собаки кусают, кошки царапаются. А совы? Том ничего не знает про сов. Он входит в комнату. Шаг за шагом приближается к сове. Та не взлетает, не моргает. Ни одно перышко на ней не шевелится. Неотрывно смотрит она на дверь. И тогда Том догадывается: значит, он трусливо убегал от чучела. Ах, ну какой же он глупый! Том бегает вокруг совы. Она неподвижно сидит на деревянной полке. Он гладит ее серо-коричневые, мягкие, как шелк, перья. На ногах у птицы острые когти, а глаза на большой круглой голове сделаны из стекла.

— Надо же! — говорит он сове. — Я от тебя убегал, а ты всего-навсего чучело с ватой в животе, как у моего мишки.

Только теперь Том оглядывает комнату, и ему кажется, что он попал в зоопарк.

Вокруг него сидят: белка, заяц, гусь, курица, воробей и ворон. В большом стеклянном ящике лежат бабочки и сверкающие камни.

Охваченный неудержимым любопытством, Том бегает по комнате. Он забыл и свой страх перед совой, и даже свой вопрос к учителю Блинзе. "Это действительно настоящая комната чудес",— думает Том. Он гладит пушистый хвост белочки, но она не убегает от него. Он берет зайца за левое ухо и чувствует его мягкий мех. Том щелкает пальцами ворона по черному клюву, а он не улетает. Все звери и птицы сидят тихо, спокойно, не прыгают, не летают, не гогочут, не щебечут и позволяют смотреть на себя сколько душе угодно.

Том залюбовался красочными крыльями бабочек и блеском камней в лучах солнца.

И тут он замечает крота. Иссиня-черная, шелковистая шерстка, острый носик и передние лапки, похожие на маленькие лопатки, приводят Тома в восторг. Значит, холмики в саду у дедушки он делает вот этими лапками? Интересно! Том осторожно берет крота в руку и дует в его шелковистую шерстку. Маленьким облачком поднимается пыль и попадает Тому в нос. "Надо его помыть", — решает мальчик.

Рядом с дверью стоит маленький умывальник. Из его крана по капле в минуту капает вода. Том поворачивает ручку крана и подставляет крота под тоненькую струйку.

От воды шерстка слиплась, потускнела, и крот стал похож на мокрую мышь. Маленький и изуродованный зверек лежит на ладони у Тома, а тот растерянно смотрит на него и не знает, что делать. Том не мял его, не тискал, а крот почему-то превратился в маленькую мышь. Тома охватывает страх. "Что же делать?" — лихорадочно думает мальчик.

— Его надо просушить, — громко говорит он зверям, но они равнодушно смотрят на него своими стеклянными глазами и молчат. Том обращается к сове: — Надо просушить! Но как?

Он надувает щеки и дует в шерстку крота. Но от этого шевелятся только перья у совы, а кротовая шерстка так и остается слипшейся от воды и пыли.

Том бежит к окну. Он хочет положить крота на солнышко, на теплый летний ветерок, но подоконник слишком высокий, а Том — слишком маленький.

Раздается звонок на перемену. Том от неожиданности испуганно вздрагивает и замирает с мокрым кротом в руке. Он слышит хлопанье классных дверей, слышит приближающиеся шаги. С бьющимся сердцем он быстро прячет крота в карман коротеньких штанишек.

Дверь резко открывается и в комнату врывается Андреас. Том знает этого мальчика, он живет с ним на одной улице.

Андреас удивленно смотрит на Тома.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он. — Как ты сюда попал?

Том молчит. Да и что он, испуганный и растерянный, может ответить, но у Андреаса нет времени ждать ответа. Перемена маленькая, а он — дежурный по классу. Андреас пришел за совой для урока по географии. Терпение у него кончается.

— Сюда никому входить нельзя, — говорит он. — Я возьму только Паулу.

— Сову зовут Паула? — спрашивает Том. — А как зовут других зверей?

— Имя есть только у совы, а других никак не зовут.

Андреас и сова Паула в его руке задумчиво смотрят на Тома. Том чувствует, что Андреас сейчас о чем-нибудь его спросит, поэтому быстро говорит:

— Собственно, я пришел к господину Блинзе. Я хотел у него спросить, что такое школа, хорошо мне будет в ней или плохо. Мне надо это узнать до начала учебы.

Андреас кивает и говорит:

— Понимаю...

"Наконец-то, — думает Том. — Наконец, хоть один понимает!". Он забывает про мокрого крота в кармане и спрашивает:

— Ну что же такое школа? Как в ней все-таки будет? Хорошо или плохо?

Андреас смотрит на Тома, дует в перья совы и, наконец, говорит:

— Школа — это, знаешь ли, как горка на детской площадке. Надо все время взбираться по ступенькам. Больших ступенек бояться не следует. Нужно только иметь немного желания учиться, и все будет в порядке.

— Желание-то у меня есть, — говорит немного успокоившийся Том. — И даже очень большое.

— Тогда дождись первого сентября и приходи, — смеется Андреас. — Сам все увидишь. Иногда, возможно, будет трудновато, но плохо никогда не будет.

— Но, может быть, будет что-нибудь другое? — спрашивает Том торопливо, он видит, что Андреас направляется к двери. — У меня, видишь ли, пока не качается ни один зуб. Не подумает ли кто-нибудь, что я ещё совсем глупый и в школу мне ходить рано?

— Не качается ни один зуб? — удивляется Андреас.

Том молча кивает.

— Мне кажется, — продолжает Андреас,— ты не такой уже глупый, и в школу ходить сможешь. Может, ты пришел, чтобы узнать еще что-нибудь?

Но тут дверь открывается, и в комнату входит господин Блинзе, учитель с рыжей бородкой и голубыми глазами.

— Что случилось, Андреас? — спрашивает господин Блинзе. — Мы уж подумали, что ты улетел вместе с совой.

Андреас покраснел до ушей. Уши у Тома тоже светятся багровым сиянием. Он смотрит на господина Блинзе и чувствует, что карман, в котором спрятан крот, насквозь промок. Том, как окаменелый, стоит перед господином Блинзе и моргает испуганными глазами. Учитель удивленно смотрит на Тома.

— Что вас тут интересует? — спрашивает господин Блинзе и присаживается на маленькую скамеечку.

— Это его интересует, — говорит Андреас и показывает на Тома. — Он спрашивает: хорошо будет в школе или плохо.

— Понимаю, понимаю, — говорит господин Блинзе, поглаживая рыжую

бородку. — Интересный вопрос! Ну и как же мы на него ответим?

Он смотрит на Тома, а тот слова сказать не может. Все его мысли заняты кротом. Том чувствует сырость в кармане и ждет, что господин Блинзе вот-вот заметит мокрое пятно на его штанах.

— Ты что же, говорить совсем не умеешь? — спрашивает Тома господин Блинзе.

Андреас смеется.

— Только что умел.

И тут Том берет себя в руки. Он решительно всовывает руку в карман, вытаскивает оттуда крота и подает его господину Блинзе.

Господин Блинзе и Андреас смотрят на него круглыми от удивления глазами.

— Милый ты мой, — наконец говорит господин Блинзе. — Да как же он к тебе забежал-то?

— Я хотел его помыть, — говорит Том. — Я его не мял, не тискал. Только полил немножечко водой. — У Тома по носу катятся слезы.

— Ну-ну, — говорит господин Блинзе и слегка похлопывает Тома по плечу. — Может посушим его?

Он берет у мальчика крота и в задумчивости смотрит на обоих — на растерявшегося Тома и мокрого зверька.

— Андреас, — говорит учитель, — сходи-ка к завхозу и попроси у него фен. Фен — это прибор для сушки волос. Скажи, что мы помыли крота и нам нужно посушить его.

Андреас ставит сову на стол и убегает.

Сердце у Тома радостно прыгает. Сейчас господин Блинзе высушит крота и все звери волшебной комнаты вернутся на свои места. Том благодарными глазами смотрит на господина Блинзе, учителя с рыжей бородкой и голубыми глазами, а господин Блинзе дружелюбно смотрит на Тома.

— Ну, как ты думаешь, — спрашивает он мальчика, — хорошо будет в школе или плохо?

— Хорошо, — отвечает Том, — Андреас прав: плохо в школе никогда не будет.

— Правильно, — говорит господин Блинзе. — Приходи в школу первого сентября и сам все увидишь.

Приходит Андреас от завхоза и приносит фен. Господин Блинзе включает его и начинает сушить обоих: крота и Тома.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190